

ПАВЛО АВТОМОНОВ

ОТЧИЗНЫ ВЫПОЛНЯЯ ПРИКАЗАНЬЕ

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

17 коп.

ПОЛИТИЗДАТ • 1975

ГЕРОИ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

ПАВЛО АВТОМОНОВ

**ОТЧИЗНЫ ВЫПОЛНЯЯ
ПРИКАЗАНЬЕ**

**О начальнике
Украинского штаба
партизанского движения
Т. А. Строкаче**

Автомонов П. Ф.

А22 Отчизны выполняя приказанье. О нач. Украинского штаба партизанского движения Т. А. Строкаче. М., Политиздат, 1975.
104 с. с ил. (Герои Советской Родины).

Эта книга посвящена Тимофею Амвросиевичу Строкачу — одному из организаторов и руководителей партизанского движения на Украине в годы Великой Отечественной войны.

Писатель Павло Автомонов, участник войны, разведчик-парашютист, кандидат исторических наук, известен читателям по повестям «В Курляндском котле», «Мой танк—317», «Имя его неизвестно», роману «Когда разлучаются двое» и др. В этой книге автор рассказывает о человеке, которого хорошо знал, о том, как разрабатывались и осуществлялись планы уничтожения врага в тылу фашистских войск, о мужестве и героизме партизан, выполнявших ответственные задания Отчизны.

А $\frac{10604-420}{079(02)-75}$ 211—76

9(С)277

Посланцы Большой земли

Генерал-майор Строкач сидел за письменным столом и невидящими глазами смотрел на телефонный аппарат в ожидании сигнала из штаба Воронежского фронта.

Мысленно он был уже на аэродроме, вместе с остальными товарищами из оперативной группы Украинского штаба партизанского движения. До вылета во вражеский тыл оставалось не более часа, а он, непосредственный руководитель намеченного плана, еще не имел окончательного разрешения на вылет в партизанское Полесье.

С предстоящей поездкой он связывал многое. Сердце билось учащенно, будто он впервые собирался в стан врага — как тогда, в родном Уссурийском краю, посланный в разведку партизанами Свягинского Коммунистического отряда, или как в тот сентябрьский день сорок первого года под Киевом, когда поднялись в атаку бойцы-чекисты...

Положил руку на грудь. «Что с тобой, сердце? Успокойся...»

Наконец аппарат ожил. На том конце провода, за полтысячи километров от Москвы, в телефонной трубке послышался сначала шорох, потом голос телефониста:

— Сейчас с вами будет говорить председатель Совета Народных Комиссаров Украины товарищ Корниец.

— Здравствуйте, Леонид Романович! В ЦК ВКП(б) не против того, чтобы я сегодня же вылетел в тыл. Нужно согласие нашего ЦК и ваше лично,— торопясь, прокричал в трубку Строкач.

— Демьян Сергеевич Коротченко уже там. Теперь летите вы. А как же руководство штабом в такой ответственный период?

— Именно потому, что период очень ответственный, я должен непременно быть там. Вместо меня остается начальник оперативного отдела полковник Соколов. Очень важно, Леонид Романович, крайне важно, чтобы наш план, утвержденный Ставкой, был выполнен. Для этого надо всесторонне подготовить соединения и отряды, находящиеся в Полесье. Мое место как начальника штаба сейчас там. К тому же Михаил Иванович Калинин поручил мне вручить награды многим сотням партизан! — горячо доказывал Строкач.

— Хорошо, согласен с вами. Летите, Тимофей Амвросиевич! Обнимите дорогих земляков-партизан, родной земле украинской поклонитесь!

— Добре, Леонид Романович!..

Строкач откинул с высокого, чуть вспотевшего от волнения лба светло-русую прядь и застыл, сбросив тревожное напряжение последних часов. Серые глаза его излучали радость, светились отблеском широкой и доброй натуры. Сорокалетний генерал со значком депутата Верховного Совета СССР на кителе был по-настоящему красив... Чувствовалось, что человек этот не обделен знанием и опытом руководителя, замыслы которого сбываются, потому что они

выстраданы, выношены, обдуманы до мельчайших деталей.

В кабинет вошел Василий Федорович Соколов. Строкач поднялся ему навстречу и по-солдатски обнял его.

— Разрешили!

— Вас ждут на аэродроме, Тимофей Амвросиевич. Машина у подъезда.

— Передайте, что еду. Мчу на крыльях!

Меньше месяца прошло, как проводил он за линию фронта группу Василия Яремчука, и с того дня тревожное нетерпение не оставляло его ни на час. Наступил июнь 1943 года. Приближалась пора решающих боев за Украину, и предстояло поднять всю партизанскую армию, которая сконцентрировалась на севере Ровенской и Житомирской областей. Заблаговременно передав дела по штабу В. Ф. Соколову, Строкач не мог не волноваться,— все казалось, что в последнее мгновение отменят его вылет, не разрешат быть самому там, где должна сказать свое слово грозная партизанская сила...

Но вот и аэродром. Строкач издали узнает своих орлов-архангелов, и среди них командира 101-го авиационного полка Героя Советского Союза Гризодубову.

— Валентина Степановна! Разрешите мне в самолет первым!

— Бойтесь, что за вами вышлют из Москвы погоню? — спросила, улыбаясь Гризодубова.

— И как вы угадали? — ответил с улыбкой Строкач и заспешил к самолету.

Устроившись на длинной скамье, протянувшейся вдоль борта самолета, он стал оглядывать входящих.

Спокойно поднимается в кабину его заместитель полковник Илья Григорьевич Старинов, ученик Кар-

бышева, создатель своеобразных мин, один из авторов минной тактики. Курсанты школы минеров говорили о Старинове, что он может «сварганить мину из консервной банки». За плечами у Старинова гражданская война, Испания... В память о пережитом — прошитая снайперской пулей рука. Но Старинов остался в строю. Его преданность делу, принципиальность, высокое чувство ответственности за свою работу заслуживают глубокого уважения. Вот и сейчас он добился разрешения лететь во вражеский тыл, понимая, как нужны партизанам его новые мины, умение обращаться с ними. Строкач хорошо понимал своего заместителя: дело для Ильи Григорьевича прежде всего.

В самолет входит старший лейтенант Алексей Егоров, недавний финансист, а ныне один из способных учеников Старинова. Егоров летит на должность заместителя командира Черниговско-Волынского соединения по диверсионной работе. Этому соединению под командованием генерал-майора Алексея Федоровича Федорова предстоит большая работа на одном из важнейших железнодорожных узлов в Западной Украине.

Еще и еще входят люди. Последним поднимается Вася Бобырь, офицер штаба, которому Строкач поручил вести дневник событий во время пребывания в партизанских отрядах. Обязанность весьма новая для офицера, но Строкач заранее подготовил лейтенанта Бобыря к выполнению этого нужного дела.

Взревели моторы. Тимофей Амвросиевич посмотрел в иллюминатор на провожавших. Самолет тронулся с места, развернулся и помчался навстречу небу. Еще несколько секунд, и Ли-2 оторвался от земли.

«Прощай, Москва! До свидания, родные Полина и донька моя!» — мысленно попрощался он с женой и дочерью и блаженно расслабился, ощущая знакомую легкость во всем теле: самолет набирал высоту.

Только сейчас, когда они оказались в воздухе, Строкач почувствовал, как он устал.

— Все! Все хлопоты наши, Илья Григорьевич, на этой стороне фронта окончились! — повернулся Строкач к сидевшему рядом Стариннову.

— Одни кончились. Начинаются новые, — задумчиво ответил главный минер. — На том и стоит вся наша жизнь... — И весело добавил: — Ребята! Песню!

Тимофею Амвросиевичу хотелось настроиться на предстоявшие дела, но недавние заботы не отпускали его. Мерно покачивался самолет, а в памяти пробегали напряженные дни истекшего года...

Еще в самом начале Великой Отечественной войны партия дала советскому народу четкую программу борьбы против врага. Историческая директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года стала основой для организации сопротивления врагу на захваченной им территории. 30 мая 1942 года для оперативного руководства и координации действий партизанских отрядов с боевыми операциями Красной Армии был создан Центральный штаб партизанского движения, который возглавил первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко.

20 июня 1942 года начальником Украинского штаба партизанского движения был назначен он, полковник Строкач. И с тех дней закипела работа. Многого предстояло сделать, организовать. Взять хоть те же самолеты. Каких усилий стоило год назад добиться отправки двух-трех транспортных самолетов к партизанам! И какие то были самолеты — не чета

этому, просторному, надежному,— но и тех тогда недоставало даже действующей армии. А сейчас украинских партизан обслуживает целый авиационно-транспортный полк, опытных, смелых летчиков возглавляет прославленная героиня.

Осень сорок второго года ознаменовалась двумя рейдами партизанских соединений под командованием С. А. Ковпака и А. Н. Сабурова. Большую работу по подготовке этих рейдов провел Центральный штаб и непосредственно Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. По приказу главнокомандующего партизанским движением Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова отряды украинских партизан должны были осуществить значительные боевые и диверсионные операции главным образом на железнодорожных и шоссейных магистралях центра Украины.

Трудно переоценить значение тех рейдов в развитии партизанского движения на Правобережье, в организации взаимодействия партизан с регулярными частями Красной Армии...

Напряженно работал весь год Украинский штаб партизанского движения. переброска групп парашютистов на Кировоградщину, Винницину, Житормирщину. Обучение диверсионных групп в нашем тылу, обучение партизан в тылу у врага, доставка грузов Ковпаку, Сабурову, Федорову, Мельнику... Руководство действиями заброшенных в тыл врага небольших групп — и в результате новые партизанские отряды, целые соединения, надежная связь не только с Красной Армией, но и с подпольными организациями на оккупированной врагом территории. Нужно было наносить удары по коммуникациям и тылам фашистов и заботиться о сохранности народного добра — заво-

дов, шахт, спасти их от разрушения, но не дать фашистам пользоваться ими. И за семью замками оказалось для врага богатство Донбасса, не ожили для гитлеровцев домны Запорожья...

Уже в начале 1943 года секретарь Кировоградского подпольного обкома партии М. М. Скирда сообщил в Украинский штаб партизанского движения, что проведены совещания руководителей партизанских отрядов и диверсионных групп, состоялась партийная конференция. К маю только в Кировоградской области насчитывалось около 10 тысяч партизан. Они готовились...

Весной в тыл к партизанам отправилась не одна группа из центра. Среди посланцев Большой земли — руководители украинского правительства, депутаты Верховного Совета Союза ССР, партийные работники, специалисты различных военных профессий — всем было уготовлено дело у партизан в эту горячую ратную пору. И вот теперь наконец настал его черед...

Самолет слегка покачивался. Лица пассажиров, сидевших напротив Строкача, освещены лучами заходящего солнца. Лица эти задумчивы, сосредоточенны. Вспыхнувшая было песня смолкла. Каждый думал о чем-то своем, самом близком...

Строкач посмотрел в иллюминатор. Москва осталась позади. Далеко на запад и юг простирались леса, луга, перерезанные голубыми прожилками рек, и деревни-островки среди безбрежного зеленого моря. Какие дали!..

Моторы гудели ровно, монотонно. Но вот кто-то снова запел — голос молодой, и тут же к нему присоединяется ветеран Старинов.

По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,

Чтобы с боя взять Приморье —
Белой армии оплот...

Это и его, Тимофея Строкача, любимая песня. Она родилась в его родном краю. «Партизанская дальневосточная» всегда заставляла его волноваться. В воображении возникали незабываемые дни юности. Вот и сейчас песня уносит его назад, на восток, за 10 тысяч километров и на два десятилетия в прошлое...

...Неспокойным было то время на Дальнем Востоке. Империалисты держав Антанты стремились задуть Советскую власть в Приморье. В апреле 1918 года началась интервенция, а в июне произошел контрреволюционный переворот белочехов при поддержке японцев. Многочисленные отряды белогвардейцев и банды кулаков — уссурийских казаков — терзали население.

На краю маленького таежного села Белая Церковь, большинство жителей которого были переселенцы с Украины, жила семья Строкачей. Кто только не побывал за полтора года в этой деревушке: грабили крестьян и белогвардейцы, и бандиты Калмыкова, и японцы, и белочехи, и даже американцы, приезжавшие конфисковать сено.

Против интервентов был открыт Уссурийский фронт. Набирало силу партизанское движение. Отец и четыре старших брата Тимофея Строкача бились с белобандитами в составе Свягинского Коммунистического отряда. А Тимко́ был посыльным и разведчиком, оставаясь дома с матерью и младшей сестренкой.

Однажды Тимофей оказался на станции Свягино,

где жил мастер Хитренко, с которым дружили отец и братья Строкачи.

Тимофей заглянул к Хитренкам и хотел было уже уходить, как вышел мастер и сказал с тревогой в голосе:

— В Белую Церковь вступил отряд матроса Баранова. Японцы на станции узнали об этом и собираются на рассвете разгромить партизан. Тут почти тысяча японских солдат. У них артиллерия, много пулеметов...

— Понял все. Я побегу!

— Куда ж ты побежишь? До Белой Церкви пятнадцать километров, а на дорогах японцы и бандиты,— вмешалась в разговор хозяйка дома.

Тимко молча посмотрел на Хитренко, но мастер отвел взгляд в сторону. Тимофей понял, что он сам должен решить: идти ночью или ждать утра. Как же ему быть? Страшны не только японские солдаты, белогвардейцы, бандиты, которые могут встретиться в пути. Страшно ночью и в тайге. Как быть?.. Впервые в жизни Тимофей понял, как могут от поведения одного человека зависеть другие. «Непременно надо сообщить своим, и как можно быстрее!..»

Другого решения не мог принять шестнадцатилетний Тимофей Строкач.

Было дождливо и ветрено. Время от времени сквозь разорванные облака проглядывало холодное красноватое солнце, склонявшееся к западу.

Как только поселок остался позади, Тимофей ускорила шаг. Он уже не шел, а бежал.

«Быстрее, Тимофей! — поторапливал он себя.— Быстрее!»

Не первый раз приходилось ему выполнять задания партизан, но сегодня, как никогда раньше, он

почувствовал ответственность перед отцом, братьями-партизанами, перед матросом Барановым и всем партизанским отрядом. И перед самим собой он тоже в ответе. Во что бы то ни стало он должен спасти отряд.

«Спеши, Тимофей! Беги!..»

Прошел час, второй. Ветер не утихал. Тимко слышал его завывание. Порой раздавался крик какого-то зверя. Безлистые кусты стегали парня по ногам. Он знал эту тропу: не раз ходил из Белой Церкви на станцию Свягино. А вдруг он встретится на тропе с уссурийским амбу-тигром? Или медведем? Не надо было идти напрямик. Но дорогой его могли встретить и японцы, и белогвардейцы, и уссурийские казаки. Тайгой надежнее.

Тимофей бежал и старался думать обо всем, что могло отвлечь его от этого противного чувства страха. В памяти внезапно возникали не боявшиеся ни царя, ни жандармов большевики, высланные из Петрограда, Иванова, Чернигова в Уссурийскую тайгу.

Прошел еще час, и уставший, изнеможенный Тимофей остановился у родного крыльца. Уже стемнело, в хате мигала коптилка. Словно почуяв сердцем приход сына, вышла мать.

— Тимку!

— Мамо, в какой хате остановился Баранов?

— Рядом с хатой батюшки.

— Я к Баранову. Дело есть!

Баранов лежал на полу в полутемной комнате, даже не сбросив бушлата, а только расстегнув его. Часовой подкрутил фитиль керосиновой лампы. Стало светлее.

— Каким ветром? — удивился Баранов. — Отец говорил, что ты в Свягине заночуешь.

— Я только что со станции. Японский гарнизон в Свяягине, на рассвете сюда собирается...

— Что ж. Придется встретить их. Спасибо, Тимофей! Можешь считать себя бойцом нашего Коммунистического отряда.

Когда Тимофей возвратился домой, отец и братья чистили винтовки: готовились к бою.

— Что командир?

— Сказал, что могу считать себя бойцом Коммунистического партизанского отряда.

...Разгромили атаманов в октябре 1922 года. Бойцы Народно-революционной армии Дальневосточной республики и партизанские отряды Приамурья и Приморья преследовали врага, прижав его к бухте Золотой Рог. Иноземные крейсеры поспешно поднимали якоря, отчаливали пароходы с белогвардейцами и всякой прочей нечистью. Тимофей Строкач был в первой шеренге бойцов, которая подошла к самому берегу океана.

И на Тихом океане
Свой закончили поход...

Гражданская война окончилась. Дальневосточная республика воссоединилась с Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой. Но остались на дальневосточной земле банды белогвардейцев, белокитайцев, уссурийских казаков. Покоя не было. Пришлось снова братья за оружие. И Тимофей Строкач, как секретарь сельской комсомольской ячейки, с несколькими парнями из Белой Церкви вступил в чоновский отряд.

Днем чоновцы работали на железной дороге — заменяли шпалы, рельсы. А рядом в козлах стояли русские трехлинейки, японские арисаки, американ-

ские винчестеры, добытые партизанами в недавних боях. А ночью... Ночью бойцы-чоновцы спали одетыми, обутыми, то и дело поднимаясь по тревоге, чтобы отбить нападение белогвардейцев.

В отряде Тимофей Строкач по-настоящему понял, что значит работать и отстаивать свой труд в бою. Кирка, лопата, лом, гаечный ключ — и винтовка...

Непрерывная, напряженная, очень часто на волоске от смерти боевая жизнь научила Строкача слышать во сне, видеть в кромешной мгле, распознавать шаги по интуиции. Чоновец Строкач тогда еще не мог знать, что он уже никогда не будет иметь покоя ни на день, ни на час, потому что свяжет он свою жизнь с границей на целых два десятилетия.

В начале 1924 года Тимофей Строкач добровольно вступил в отдельный Троицкий кавалерийский полк, находившийся в Спасске. В то время полк выполнял функции пограничных войск по ликвидации бандитизма в Спасском и Чугуевском районах и вскоре был преобразован в Краснознаменный Уссурийский кавалерийский пограничный полк войск ОГПУ. В Имане на реке Уссури была создана пограничная комендатура, которой командовал опытный чекист-дзержинец Орлов.

Вскоре начальник комендатуры назначил Строкача командиром взвода.

— Да я же рядовой красноармеец! — возразил Тимофей.

— Ничего, — ответил Орлов. — Будете вы, Строкач, краскомом! Пошлем вас учиться...

Работы у пограничников было предостаточно. Почти ежедневно приходилось задерживать контрабандистов, которые пробирались из Маньчжурии на советский берег Уссури. Буйствовали белогвардей-

ские банды, и потому часто гремела перестрелка в селах, где кулачье поддерживало бандитов.

Много неприятностей доставляла банда бывшего царского офицера Даренского. Белоказаки переодевались в форму пограничников и таким образом обманывали людей, а потом расправлялись с ними. Десятки активистов были расстреляны в тайге. Банду надо было уничтожить во что бы то ни стало.

Пограничникам Тимофея Строкача удалось наконец выследить противника. Можно было дожидаться, пока подойдут еще группы пограничников, и наверняка ударить по вражескому лагерю. Но, почуяв преследование, бандиты постараются пересечь государственную границу и скрыться на китайской стороне. Время не ждало. Строкач повел бойцов наперерез Даренскому.

Бой разгорелся жаркий, отчаянный. Пограничников — сорок, белоказаков — более двухсот.

— Мы носим форму советских пограничных войск, — обратился Строкач к красноармейцам. — Не посраим же ее!

Даренский не стал принимать открытого боя с пограничниками, решив уйти в Маньчжурию. Именно это предвидел Строкач и занял со своими бойцами оборону в форме подковы. Пограничники встретили вражеских конников дружным прицельным залпом. Еще залп. Лошади встали на дыбы, заржали. Многие всадники свалились с седел. Казаки залегли и ответили стрельбой.

Несколько красноармейцев ранено. Кое-кто поспрашивает назад. Там — пограничный столб...

Наступили критические минуты. Если бандиты нажмут, то смогут прорваться к границе. Надо заставить бойцов стоять на рубеже до последней возмож-

ности, до последней капли крови. Отойти — значит пропустить банду через границу.

— Стоять до конца! Стрелять по цели! — снова передал Строкач по цепи пограничников. — Огонь!..

Более часа гремел бой. Стволы винтовок накалились. Строкач вынул маузер и стал стрелять из него, пока остынет винтовка. Бандиты побаивались сесть на коней, опасались и идти в рукопашную.

— Сдавайтесь, предатели родины!

Это прозвучало вызывающе. Несколько десятков пограничников предлагали сдаться двум сотням хорошо вооруженных людей. Даренский приказал атаковать. Но его команда затерялась среди нараставшего «ура-а-а!». Это вел пограничников и красноармейцев-конников краском Орлов.

Попав в окружение, бандиты заметались. Бросая коней и оружие, они бежали под пули, на штыки красноармейцев, пограничников и чоновцев. Банда была разгромлена полностью.

В тот же день Орлов писал служебно-боевую характеристику на комсомольца Тимофея Строкача, посылая его на учебу. Орлов писал, что Тимофей Строкач — прекрасный строевой командир, человек большого мужества и светлого ума, настоящий пограничник, общительный и обаятельный парень.

— Быть тебе командиром-пограничником. И ты им будешь!.. А сейчас проведай мать, отца, братьев!

— Спасибо, товарищ краском!

На следующий день Тимофей Строкач шел со станции в Белую Церковь, где по-прежнему жили его родные. Братья работали в сельскохозяйственной коммуне, председателем ее был отец. Тимофей торопился, какое-то предчувствие подгоняло его.

В безоблачной синеве по-весеннему щедро све-

тило солнце. Над вспаханным только что полем поднимался прозрачный пар. В небе пели жаворонки, то взлетая, то опускаясь к распаханной земле. Странным показалось Тимофею, что на коммунарском поле не было людей. Только плуги, бороны. А вот и плуг отца, тот самый, с вмятиной, привезенный с далекой Украины. Подошел ближе. На лемехе застыли ручейки крови. Кровь была и в борозде.

Неужели убили... Предательское, противоестественное убийство человека, пахущего поле, сеющего хлеб...

Тимофей ехал в отпуск, а попал на похороны отца. Председателя коммуны Амвросия Феодосиевича Строкача убили из кулацкого обреза в апрельский солнечный день 1925 года.

Плачет над гробом мать. Склонили знамена белоцерковские коммунары.

— Амвросий Строкач не жалел сил для новой жизни и отдал свою жизнь за коммунизм...

«И я буду коммунистом. Буду продолжать дело батька!..»

...В декабре 1927 года Амурский окружком партии принял Тимофея Строкача в ряды ВКП(б). Было это уже после учебы в Минской школе пограничников, когда краском Строкач приехал служить на заставу у Амура.

Как и два года назад на Уссури, так и здесь, на Амуре, было беспокойно, хотя банд и контрабандистов стало меньше. Прочность советских границ теперь прощупывали империалисты. Под видом контрабандистов на северный берег Амура старались перебраться шпионы, диверсанты.

Напряженной жизнью жила застава. Строкач очень часто выезжал на оперативные задания и порой

не бывал дома по несколько дней. А дома — Поля, Полина, жена... Судьба подарила ему добрую и чуткую жену. Она понимала всю опасность жизни на границе, но не проронила и слова, что боится оставаться подолгу одна, что хотела бы уехать, даже тогда, когда стала носить под сердцем ребенка. Только попросила, чтобы принес он винтовку в дом — так, на всякий случай.

Между тем обстановка на границе все больше обострялась. Летом 1929 года казалось, что вот-вот начнется война и ее непременно поддержат недобитое кулачье, притаившиеся белогвардейцы. Пограничники находили в селах склады оружия, перехватывали рыбацкие шаланды с оружием, доставлявшимся с китайского берега. Над Амуром сгущались грозные тучи.

Июльским вечером плыл Строкач с женой и дочуркой на пароходе в Благовещенск. Палуба была заполнена пассажирами. Среди них — пограничники, моряки. Все любовались Амуром, берегами, заросшими ивами, волнами, чуть красноватыми от лучей заходящего солнца. Могучая, бесконечная, широкая река, одна из самых больших рек в мире, волновала, заставляла думать о величии природы.

Вдруг с южного берега Амура раздались выстрелы. Полина инстинктивно прикрыла собой девочку.

— К бою! — приказал Строкач пограничникам и морякам и повернулся к жене: — Поля, быстрее с женщинами в трюм!

Пулеметчики ответили несколькими очередями по противоположному берегу. С китайской стороны снова застрочили пулеметы...

Почти пять месяцев шли бои вдоль дальневосточной границы.

Решительно и смело действовала оперативная группа Тимофея Строкача. За мужество, личную инициативу краском Строкач был награжден именным оружием и часами.

А потом... Потом в послужном списке пограничника Строкача появилась запись: «С марта 1930 года по октябрь 1932 года служил помощником коменданта погранучастка и начальником школы младших командиров погранотряда в Даурии».

Даурия... Неприветливый край. Зимой сорокаградусные морозы и сильные ветры, летом зной на безводном и безлесном плоскогорье...

В небо ворвались лучи прожекторов. Растаяла в мареве воспоминаний далекая Даурия. Под крылом самолета линия фронта. На какое-то мгновение прожекторы погасли. Потом снова стали шарить по небу. В кабине стало светло как днем. Открыли огонь немецкие зенитки. Самолет то падал, то резко поднимался. Это командир корабля капитан Н. И. Слепов вырывался из лучей прожектора.

Наконец самолет перестал дергаться, выровнялся.

— Пронесло на первый случай! — облегченно произнес кто-то.

Генерал Строкач пошел в кабину пилотов.

— Ну, как? Живы-здоровы братья-архангелы? — спросил командир корабля.

— Живы. Кое-кто, правда, набил себе на лбу шишки, — ответил Строкач. — А вы как тут?

— Приближаемся к месту назначения. Рядом с нами наша старая западная граница, товарищ генерал, — ответил штурман.

— Как далеко забрались!

— С северо-западной или западной стороны удобнее лететь в партизанскую зону, — объяснил Слепов.

— Логично, товарищ капитан,— согласился Строкач и вернулся на свое место у иллюминатора.

...Западная граница. В мае 1935 года после окончания Высшей пограничной школы капитан Строкач получил направление на западную границу. Это была его первая встреча с Украиной, родиной отца, матери, старших братьев. На западный рубеж Родины Тимофей Строкач прибыл с характеристиками, в которых говорилось, что командир-пограничник Строкач решителен, энергичен, настойчив, инициативен, дисциплинирован, быстро и правильно разбирается в оперативной обстановке, принимает решения самостоятельно и твердо проводит их в жизнь. Именно таким он и был, и потому командование назначило его вскоре начальником штаба пограничного отряда.

В 1937 году капитан Строкач был выдвинут кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР от Могилев-Подольского избирательного округа Винницкой области. Он выступал перед колхозниками, и виделся ему среди них отец, проложивший первую в Уссурийском крае коммуновскую борозду...

В 1940 году на XV съезде Коммунистической партии (большевиков) Украины Т. А. Строкач был избран членом Центрального Комитета. Летом 1940 года 25-й Молдавский пограничный отряд, которым командовал подполковник Строкач, передислоцировался на реку Прут. Пограничникам отряда предстояло своими силами укрепить линию границы, построить опорные узлы, оборудовать огневые точки, из них около ста прочных долговременных полевых сооружений типа блокгауза с шестью — восемью амбразурами для кругового обстрела.

В октябре 1940 года подполковник Строкач был назначен заместителем наркома внутренних дел

Украины и начальником Управления погранвойск НКВД Украинской ССР. На плечи замнаркома Строкача легла работа по укреплению не только границы его родного 25-го отряда, но и многих сотен километров от Дуная на юге до Волынских озер на севере Украины.

Строкач работал без устали. Много времени он проводил на границе и делал все возможное, чтобы построить вдоль границы укрепления хотя бы полевого типа, чтобы перевооружить заставы, снабдить их радиосвязью.

А на той стороне границы с каждым месяцем, с каждой неделей все более сгущались черные тучи.

В кабинете заместителя наркома внутренних дел Строкача на оперативной карте появлялось все больше знаков и цифр, обозначающих номера дивизий и полков гитлеровского вермахта, передислоцировавшихся на восточную границу рейха. Пограничники задержали сотни фашистских агентов, засланных на советскую территорию. У агентов были рации, взрывчатка. Лазутчики пользовались шифрами, способами тайнописи. В мае — июне 1941 года гитлеровские самолеты неоднократно вторгались в воздушное пространство Советского Союза. Пограничники вместе с населением не покладая рук продолжали работать на сооружении огневых точек, траншей, подземных ходов сообщений, копали противотанковые рвы вдоль Западного Буга, речки Сан, на берегах Прута.

В начале июня полковник Строкач отдал распоряжение пограничным округам перевести все заставы на казарменное положение, быть в полной боевой готовности. В те дни он снова отправился на границу. Побывал на Волыни, во Львовской области, в Прикарпатье, на Буковине, на реках Прут и Дунай. Все инте-

ресовало Строкача: и боевая готовность застав, и вооружение, и строительство оборонных объектов...

В 4 часа утра 22 июня 1941 года началась война.

Первые донесения первых минут войны тяжело ложились на сердце.

— Вступили в бой с крупными силами противника...

— Тяжело, но ведем бой...

— Застава в огне...

— На заставу идут танки...

— Есть убитые, раненые...

Над Киевом появились немецкие бомбардировщики. Предутреннее небо, подсвеченное зарей еще невошедшего солнца, вспыхнуло облачками белых и черных разрывов зенитных снарядов. Гроыхали бомбы на улицах, у Жулянского аэродрома. Трещали зенитные пулеметы...

А из Любомльского, Черновицкого, Кагульского, Измаильского погранотрядов приходили новые сообщения о тяжелых боях. И полковник Строкач отвечал по телефону:

— Выполняйте боевое задание по охране и обороне государственной границы. Стойте до последней возможности!

Строкач знал, как тяжело будет разворачиваться войскам, потому что возле границы они были недостаточно укомплектованы штатами и особенно новым вооружением. Многие авиачасти и мотомехвойска были в стадии перевооружения и формирования. Только начали поступать тяжелые танки КВ и средние танки Т-34; летчики через год-два должны были получить новые истребители, а пехота — минометы, автоматы, радиостанции...

— Будем стоять до последней возможности!.. — от-

вечали пограничники с застав, из комендатур, штабов отрядов.

Против Львовского погранотряда немцы бросили три армейских корпуса с танками и артиллерией. На Раву-Русскую пошло четыре танковые дивизии. Пограничники и армейские части бились, истекая кровью. На берегу Западного Буга под огнем вражеского бронепоезда пограничники успели внести в свои блокгаузы боеприпасы и преградили путь фашистским пехотинцам. Враг начал окапываться на берегу реки, так как перед блокгаузами лежали горы трупов гитлеровских солдат.

В Перемышле батальон пограничников под командованием старшего лейтенанта Паливоды и сводный отряд во главе с секретарем городского комитета партии Орленко смелым ударом вышибли фашистские части за реку Сан и подняли красный флаг на здании горсовета. Бойцы Измаильского погранотряда вместе с матросами и красноармейцами изгнали захватчиков с северного берега Дуная, форсировали реку, захватили несколько населенных пунктов, в том числе Килию-Веке. На советский берег было переправлено 500 вражеских пленных. Красноармейцы выпустили три листовки на румынском языке, был избран комитет бедноты. Пограничники роздали населению муку, продукты из воинских складов...

Одиннадцать дней и ночей бились с фашистами шесть десятков пограничников заставы на Западном Буге под командованием лейтенанта Лопатина. Не только выстояли пограничники 25-го Молдавского отряда, но и с помощью частей 2-го кавалерийского корпуса заставили агрессоров отступить за Прут. Пограничники этого отряда и красноармейцы удерживали свой рубеж до 2 июля 1941 года...

30 июня 1941 года Т. А. Строкач вместе с группой работников аппарата ЦК КП(б)У и Совнаркома УССР был приглашен в зал заседаний ЦК Компартии (большевиков) Украины.

На этом заседании присутствовавших ознакомили с «Директивой Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков» от 29 июня 1941 года. Среди многих практических мероприятий, нацеленных на активные действия против агрессора в захваченных им районах, директива требовала создания партизанских отрядов, диверсионных групп, партийного и комсомольского подполья.

Вскоре после заседания секретарь ЦК КП(б) Украины М. А. Бурмистенко пригласил к себе полковника Строкача. Тимофей Амвросиевич, придя к секретарю ЦК, первым обратился с просьбой к Михаилу Алексеевичу:

— Прошу Центральный Комитет поддержать мое ходатайство. Здесь характеристики на пограничников, отличившихся в боях. Только по 25-му отряду мы представляем к наградам восемьдесят красноармейцев, командиров и местных жителей, участвовавших в защите границы. К званию Героя Советского Союза мы представляем старшего лейтенанта Константинова Александра Константиновича, лейтенанта Ветчинкина Кузьму Федоровича и сержанта Михалькова Василия Федоровича.

— ЦК непременно сделает все, чтобы подвиг пограничников был достойно отмечен Верховным Советом СССР. А сейчас поговорим о том, ради чего я вас пригласил... Центральный Комитет предлагает вам новую работу — готовить партизанские отряды,

диверсионные группы для борьбы в тылу противника и координировать действия этих формирований. Вы были партизаном на Дальнем Востоке, двадцать лет служите чекистом, пограничником. Другой кандидатуры на эту должность мы пока что не видим. Вы же знаете, как важно работать именно на своем месте, где человек знает дело, где он может раскрыться. Уже сегодня подбирайте специалистов, готовьте программы для партизанских школ, курсов. Ориентируйтесь на пограничников, на армейских командиров среднего звена, на коммунистов и комсомольцев.

— Так было и на Дальнем Востоке в 20-е годы.

— Верно. Так было и тогда, когда только создавалось социалистическое государство. И тогда народное движение возглавила партия большевиков. Партизанским движением в этой войне тоже будут руководить коммунисты. Практически сейчас у нас этим будет заниматься оперативная группа ЦК КП(б)У. И вы, как чекист и бывший партизан, возьмете на себя боевую подготовку.

— Я все понял, Михаил Алексеевич.

5 июля 1941 года ЦК КП(б)У принял специальное постановление об организации партизанского движения и создании подпольных партийных органов для руководства народной борьбой в тылу фашистских оккупантов. Для практического осуществления мероприятий по развертыванию партизанской борьбы была утверждена оперативная группа ЦК КП(б) Украины. Было также образовано республиканское Управление по руководству партизанскими отрядами, диверсионными группами и истребительными отрядами. Это управление и поручили возглавить полковнику Т. А. Строкачу.

Оперативная группа решила создать школы для подготовки организаторов партизанского движения, разработать для них программу.

Через несколько дней программа была готова. В нее вошли такие предметы, как тактические приемы борьбы партизанских отрядов и диверсионных групп, стрелковое дело, изучение трофейного оружия, методов уничтожения боевой техники врага с применением современных минноподрывных средств, партийно-политическая работа среди населения на оккупированной территории, история партизанской борьбы народов в освободительных войнах прошлого, традиции партизанского движения 1918—1922 годов.

Спецшкола начала действовать в Пуще-Водице в середине июля 1941 года.

Учитывая обстановку на фронте и необходимость оказания помощи частям Красной Армии, ЦК КП(б) Украины принял решение сформировать несколько партизанских отрядов и диверсионных групп и направить их для удара по коммуникациям и базам противника, который вел наступление на Уманском и Киевском направлениях. ЦК КП(б)У поручил полковнику Строкачу и генералу Петрову заняться формированием двух партизанских полков.

Через две недели Строкач отправил сначала 1-й, а потом и 2-й Коммунистические партизанские полки за линию фронта.

Вслед за первыми двумя полками готовились выйти в тыл другие отряды, сформированные в Харькове, Донбассе, Полтаве. Перед выходом в тыл командиров отрядов принял секретарь ЦК КП(б)У Бурмистенко.

— Недавно немецкие генералы заявили, что победу над Киевом они будут праздновать 9 августа, то

есть через четыре дня. Приказано Киев не сдавать. Вам, товарищи, придется вести действия в тяжелых условиях. Войска Юго-Западного фронта мужественно сдерживают натиск вражеских полчищ, ведут кровопролитные бои на подступах к Киеву и днепровским переправам. Армии очень нужна помощь партизан. Вот почему вы отправитесь за линию фронта завтра. Разрушайте коммуникации противника, уничтожайте его базы. Вражеское командование будет принимать против вас контрмеры. Проявляйте гибкость. Старайтесь внезапно бить по врагу и, маневрируя, избегать его ударов... Еще одно. Опирайтесь на народ. В народе клокочет неодолимая сила, в народе — ваш неисчерпаемый резерв... И еще слово к комиссарам и коммунистам. Вы солдаты великой партии Ленина. Вы должны разъяснять советским людям на оккупированной территории, какую страшную угрозу нашей стране, ее народам несет фашизм. Вот почему борьба в тылу врага во всех ее формах и проявлениях должна стать кровным делом каждого нашего соотечественника. И во главе этой борьбы должны стать вы — коммунисты.

На совещании выступил полковник Строкач. Он говорил о партизанской тактике в условиях оборонных боев Красной Армии, о боевом взаимодействии партизан с армией, взаимоотношениях с местным населением, о роли и месте советских партизан в нынешней войне.

Все сказанное и обдуманное тогда, в первые дни войны, впоследствии, в 1942—1943 годах, возьмет на вооружение Украинский штаб партизанского движения в своей деятельности по руководству партизанской борьбой на Украине и за пределами Советской державы, где будут действовать в 1944—1945 годах

десятки украинских партизанских отрядов, перебросенных за границу на самолетах и прибывших туда боевым походом...

На южном рубеже обороны Киева горела земля. Армия, население напрягли все усилия, чтобы не пустить гитлеровцев в центр города, отбросить их. В тылу противника, отважно помогая армейским частям, до последней капли крови дрались два коммунистических партизанских полка и еще десять отрядов, помогавших Красной Армии на Киевском направлении...

Не прошли фашисты в Киев 9 августа. Путь им преградили красноармейцы, моряки, десантники, народные ополченцы. В тяжелых, кровопролитных боях они отбросили немецкие части за первую линию обороны. Киев продолжал борьбу, приковывая к себе все новые дивизии фашистов...

Но 17 сентября 1941 года в 23 часа поступил приказ Ставки: «Оставить Киев».

Это случилось через десять дней после того, как в районе Лохвицы соединились войска фельдмаршала Клейста, развивавшие наступление от Кременчуга, с танковой группой генерала Гудериана, пришедшей на Украину с Московского направления.

Стойкость защитников Киева отвлекла крупные силы фашистских войск и помогла советскому командованию выиграть больше драгоценного времени для подготовки к битве под Москвой. В течение трех месяцев от начала войны удерживались мосты через Днепр, благодаря чему была возможна планомерная эвакуация предприятий из западных областей Украины.

В те дни партизанские отряды проявили нестигаемую стойкость. Координируя свои действия с армей-

скими штабами, они осуществляли разведку, уничтожали вражескую технику и живую силу, поддерживали красноармейские части во время контратак, совершали смелые рейды и внезапные налеты на штабы немецких подразделений. Полковник Строкач понимал, что то была первая и яркая страница боевого взаимодействия украинских партизан с регулярными войсками. Киевские партизаны в июле — сентябре 1941 года своими действиями показали, что главная задача партизанской борьбы — непосредственная боевая помощь Красной Армии, боевое взаимодействие с нею.

Партизаны мужественно держались до последнего, чтобы дать возможность отдельным частям советских войск отойти за Днепр, чтобы вместе с красноармейцами положить у стен Киева 100 тысяч фашистских войск...

Свыше десяти партизанских отрядов, десятки диверсионных групп ушли в июле и августе из Киева, чтобы помочь армии в ее битве за Киев. Десятки отрядов. Все они стояли насмерть в боях с фашистами. Был убит командир 1-го полка Емельян Чехов. Тяжелораненого командира 2-го полка Виктора Щедрина замучили гестаповцы у Черкасс. Вражеская пуля, пробив партбилет, сразила комиссара Харьковского отряда Аркадия Брауде. Погиб в бою командир отряда «Победа или смерть» Степан Осечкин. Остатки отрядов разбились на группы, ушли в подполье, а отряд донецких комсомольцев под командованием ветерана Ивана Боровика и лейтенанта Василия Ушакова ушел в первый в истории партизанского движения Великой Отечественной войны рейд по оккупированным областям Украины, Белоруссии, России. Только два месяца смогли продержаться отряды в непосред-

ственной близости к фронту, уничтожая врага вблизи его собственных боевых порядков. Много полегло тогда украинских партизан, но дело свое киевские отряды сделали. Полковник Строкач сознавал, что на их опыте будут учиться новые и новые отряды, потому что партизанские отряды могут быть уничтожены, но партизанское движение народа — никогда!..

Чекисты под командованием Тимофея Строкача отходили из Киева последними, когда уже взрывались мосты через Днепр. На левом берегу сводный полк НКВД объединился с подразделениями 41-й стрелковой дивизии. Командование было общее, а руководить полком в бою поручили Тимофею Строкачу.

Гитлеровцы знали, где сражался полк чекистов, и поэтому прилагали все усилия, чтобы разгромить полк и захватить «энкаведистов» в плен.

Особенно тяжело стало под Харьковцами.

Зажигательными пулями из пулеметов была подожжена солома, разбросанная по полю, полк оказался в огненном кольце.

— Сдавайтесь! — кричал в рупор переводчик из фашистских шеренг. — Гарантируем жизнь!..

— Сдавайтесь, чекисты-энкаведисты! Даем срок!.. — прокричали фашисты еще через минуту.

— Передать всем: приготовиться к атаке! — приказал Строкач. — Пока над полем стелется дым...

Вокруг смерчем полыхал огонь, дым закрывал горизонт. Строкач поправил свою зеленую пограничную фуражку, проверил, посередине ли звездочка, ту же затянул ремень, одернул гимнастерку и поднял маузер, добытый еще на Дальнем Востоке.

— Вперед! За Родину!..

И случилось непредвиденное противником. За пол-

ковником Строкачем поднялись 300 красноармейцев и чекистов. С возгласами «Ура!», «Вперед!» они стреляли на ходу, кололи врагов штыками, били фашистов саперными лопатами. Каждый дрался за двоих, за троих. Противник психологически не был готов к такой схватке.

Вражеское кольцо прорвано. Уставшие бойцы припали к земле. Лег и полковник. В небе загорались звезды. На западе пылало небо. Там горел оставленный советскими войсками Киев...

Не раз еще пришлось Строкачу в те дни поднимать в атаку своих товарищей-бойцов. На груди у полковника — значок депутата Верховного Совета СССР, медаль «20-летие РККА» и орден Красной Звезды. На лице пятна от ожогов. Пули пока что щадили его, а раз так, то он жил, дрался и вел за собой красноармейцев и чекистов на очередной прорыв. Один из бойцов-танкистов после боя обратился к нему:

— Я из мотомехкорпуса, воевавшего под Бродами в первые четыре дня войны. Много прошел и много видел с тех пор. Но чтобы нас, рядовых, вел в рукопашный бой полковник, я еще не видел. Старшие лейтенанты — те водили.

— Что ж удивительного? Старших лейтенантов в нашей армии намного больше, чем полковников, — ответил Строкач.

Дальше идти ротами или даже взводами было рискованно. Пробиваться вместе значило потерять всех. Было принято решение продолжать путь к линии фронта мелкими группами.

23 сентября 1941 года группы чекистов и красноармейцев строем проходили мимо полковника. Тимофей Амвросиевич отдавал честь этим мужественным

солдатам сорок первого года. Они шли, равняясь на полковника. Шли, зная, что им предстоит далекая и тяжелая дорога.

Это был смотр духа прошедших сквозь тяжкие бои людей. Строкач знал, что те товарищи, которым посчастливится выжить, непременно снова придут к Днепру, пойдут дальше, в логово фашизма. Так будет!..

Проходят группа за группой. Строкач опустил руку. Последние красноармейцы исчезли за деревьями в вечернем полумраке...

«...Из всех товарищей я, наверное, был наиболее осведомлен об обстановке, создавшейся к началу выхода из Киева. Не многие также понимали, что вопрос решит сила оружия и нервов, жизнь, спасенная боем, или смерть на поле боя. Сообщая сотрудникам наркомата о приказе сдать Киев, я подумал: «Многим из нас осталось жить последние дни и часы, потому что будущие бои без жертв невысказаны...» Так и случилось. Многие из товарищей-чекистов через несколько часов, через несколько дней погибли смертью храбрых.

Руководя большими операциями, я не видел чекистов, оказавшихся бы трусами во время боя, отказавшихся выполнить распоряжение командира. Дрались все достойно, как и подобает большевикам-чекистам. Женщины-чекисты, участвовавшие в боях, также вели себя достойно, не проявляли растерянности, паники. Нина Якубовская, окруженная фашистами, покончила с собой, не желая сдаться в плен. Как позже выяснилось, многие женщины прошли по вражескому тылу по 700 километров и вместе с мужчинами вышли к своим войскам... Командир сводного полка подполковник Косарев хорошо командовал и

не оставил села Харьковцы до тех пор, пока не пришло на то распоряжение. Понеся тяжелые потери, полк с наступлением сумерек прорвался из окружения и вынес с собой раненых товарищей. В этом бою многие бойцы показали себя настоящими героями, многие погибли смертью храбрых.

Т. Строкач.

1 февраля 1942 года.

Меловое Ворошиловградской области».

Так позже напишет полковник Строкач о своих боевых побратимах, вышедших из киевского окружения в сентябре 1941 года.

...Группа чекистов вместе с Т. А. Строкачем пробивалась на северо-восток. В Новобасанском районе Черниговской области местные подпольщики достали им гражданскую одежду, а чекисты передали подпольщикам два автомата, два маузера и пистолет.

Подпольщики провели группу на северо-восток к Кобыжским лесам. А потом маршрут по оккупированной территории: Мокрец — Лерин — Вертеевка — Прохоры — Городище Черниговской области, Кролевец — хутор Михайловский Сумской области.

24-ю годовщину Октябрьской социалистической революции Строкач встретил в тылу советских войск. Позади остались бои, голод, холод, опасность. Более месяца пришлось добираться до линии фронта. Бывали дни, когда Строкач и его спутники так и не знали, где же в тот час Красная Армия. Но одно было известно: сколько бы ему в эти долгие недели скитания по вражескому тылу ни пришлось идти, все равно он дойдет до своих. И еще знал Строкач, что в тылу фашистских армий растет партизанское войско.

В мае 1942 года на Украине действовало уже около полутора тысяч партизанских отрядов численностью

более 30 тысяч бойцов. Отряды дислоцировались в 15 областях Украины. Наибольшее количество партизан было в Сумской области — 6434, в Сталинской — 4006, Запорожской — 2368, Одесской — 1057.

Конечно же эти сведения не отражают полностью истинный размах народной борьбы. Никто не мог учесть тысяч подпольных организаций и групп, стихийно созданных отрядов. И тем более трудно учесть роль украинских колхозников и рабочих в экономическом саботаже по срыву использования гитлеровцами сырьевых ресурсов Украины, в попытках врага возродить металлургию, машиностроение, широко развитые до войны в республике. В экономическом саботаже принимали участие сотни тысяч людей. Гитлеровцам так и не удалось зажечь запорожские домны, возродить харьковские машиностроительные заводы, обеспечить свои потребности углем Донбасса. Это тоже была борьба, и она имела такое же значение, как и уничтожение вооруженными отрядами живой силы и техники противника.

Партизанское движение в оккупированных гитлеровцами районах вступало в такую фазу, когда надо было искать новые, более совершенные формы руководства народной борьбой в тылу врага. Уже в начале сорок второго года в ЦК КП(б) Украины вынашивалась мысль о создании органа, который бы осуществил централизованное оперативное руководство партизанским движением и всячески оказывал ему помощь. Создание Центрального штаба партизанского движения было как нельзя более ко времени. По инициативе Т. А. Строкача, как начальника Украинского штаба, были созданы опергруппы Украинского штаба партизанского движения при Военных советах фронтов, действовавших на территории Украины.

В первые дни существования УШПД у начальника штаба полковника Строкача были сведения о том, что украинскими партизанами за год войны убито 30 тысяч вражеских солдат и офицеров, почти третья часть которых была уничтожена во время крушений поездов, взорвано 85 эшелонов, десятки железнодорожных мостов.

Не случайно ЦК ВКП(б) в своих решениях о партизанской борьбе особо выделял «удары по коммуникациям противника». И в первом же приказе о задачах партизан полковник Строкач озаглавил первый пункт так: «Разрушение коммуникаций противника».

Оперативный отдел штаба занимался разработкой тактических задач партизанских отрядов, вопросами дислокации отрядов, подготовкой и переброской на вражескую территорию отрядов и групп. Работники других отделов готовили подробные планы, в которых определялись боевые задачи партизан, вплоть до срыва мероприятий оккупантов по отправке рабочей силы с Украины. Много внимания уделялось подготовке парашютистов, обучению новых групп радиостов, курьеров, организаторов-руководителей...

Эти планы отвечали требованиям не только сегодняшнего дня, но и завтрашнего.

В связи с поражением наших войск под Харьковом создались крайне тяжелые условия для деятельности только что созданного Украинского штаба партизанского движения. Работникам штаба, всем службам, партизанской школе пришлось работать на ходу, в эшелонах отступавших на восток советских войск. Главное — надо было сохранить людей, готовившихся лететь во вражеский тыл командирами групп и отрядов, радистами, минерами, разведчиками. ЦК КП(б)У дал указание: «В бой курсантов не посылать. Они

должны в будущем выполнять боевые задачи во вражеском тылу. Любой ценой сохраните курсантов-партизан».

В конце сентября сорок второго года Украинский штаб партизанского движения передислоцировался в Москву.

Началась напряженная работа по реализации указаний ЦК партии Украины и Центрального штаба партизанского движения в связи с рейдами в тыл врага партизанских соединений С. А. Ковпака и А. Н. Сабурова. Партизан нужно было снабдить вооружением, боеприпасами, взрывчаткой, медикаментами. Но главное — самолеты, которые могли бы оперативно доставить в тыл врага самое необходимое.

Украинский штаб получил в свое распоряжение и вооружение, и боеприпасы, и даже 76-миллиметровые артиллерийские орудия, которые были доставлены партизанам военно-транспортными самолетами.

Большая поддержка со стороны ЦК ВКП(б), Государственного Комитета Обороны и ЦК Компартии Украины окрыляла, придавала силы. Надо было сделать все возможное, чтобы усилить борьбу в тылу врага, направить ее в русло эффективной помощи фронту, а в предстоящих боях за освобождение Украины нацелить партизанские отряды на боевое взаимодействие с войсками наступающей армии. В воображении Строкача уже виделись картины сражения за Днепр, за Киев.

Все чаще отправлялись к партизанам десантники, переправлялись необходимые грузы с Большой земли. Во главе каждой парашютнодесантной группы стоял человек, имевший опыт подпольной или партизанской борьбы. Это были люди, уже побывавшие на вражеской территории, — пограничники, участвовав-

шие в боях, бойцы, знакомые с методами борьбы в тылу врага.

Среди командиров групп были и работники штаба, добровольно изъявившие желание лететь во вражеский тыл. Улетела в район Коростеня группа Степана Маликова, который был начальником материально-технического отдела штаба. Маликов сообщил, что связался с группами парашютистов Потуржанского и Набоки, десантированными еще в августе. Отряд Маликова быстро вырос, насчитывал более 300 бойцов и активно действовал в районе вражеских коммуникаций у Коростеня.

Партизанская школа работала с полной нагрузкой. У нее был постоянный состав до 100 курсантов и переменный — 370.

Штаб становился стройной и боеспособной по своим оперативным и материально-техническим возможностям организацией. В начале 1943 года в штабе было 12 отделов и отделений, работал мощный радиопункт — стационарный и передвижной на автомашинах. Более 300 раненых партизан, доставленных военно-транспортными самолетами, лечились в двух партизанских госпиталях в Подмосковье. Были в распоряжении штаба и склады оружия, боеприпасов.

Работа Украинского штаба партизанского движения разворачивалась вширь и вглубь. В январе 1943 года удалось десантировать в тыл 62 организаторские и диверсионные группы. В феврале — 20 (была нелетная погода), в марте — 63.

Добиваясь повышения эффективности в помощи партизан Красной Армии, более тесного оперативно-тактического взаимодействия партизан с наступавшими советскими войсками, ЦК КП(б)У предложил Украинскому штабу партизанского движения разрабо-

тать единый план боевых действий партизан на весну и лето 1943 года.

Ранней весной генерал-майор Строкач вместе с начальниками ведущих отделов напряженно работал над проектом плана развития партизанского движения, активных боевых и диверсионных действий партизан Украины. Разработку проекта плана контролировали члены Политбюро ЦК КП(б)У Л. Р. Корниец и М. С. Гречуха.

В апреле 1943 года ЦК КП(б)У одобрил оперативный план действий партизан Украины на весенне-летний период. План был утвержден Политбюро ЦК ВКП(б).

Строкач вложил все, что мог, в разработку этого плана. Чувство ответственности выработалось в нем на протяжении всей его сознательной жизни при выполнении всех приказов, которые ставила перед ним Родина вот уже более двух десятков лет...

В плане были четко поставлены конкретные задачи, предусматривались меры по обеспечению действий партизан.

Один из главных пунктов — выход соединений и отрядов, сосредоточившихся в партизанской зоне на севере Житомирской и Ровенской областей и в Южной Белоруссии, на юг и юго-запад Украины, в районы стратегически важных коммуникаций противника, в частности к железнодорожным узлам Ковель, Сарны, Коростень, Здолбунов, Шепетовка, Жмеринка, Казатин, чтобы помешать противнику перебрасывать к фронту живую силу и технику. Некоторые железнодорожные узлы предстояло блокировать массированными ударами партизанских минеров-подрывников.

План Украинского штаба партизанского движения

был обстоятелен, конкретен. Задачи, меры, цифры. Лаконичные данные создавали четкую картину продуманного до мельчайших подробностей руководства поднимающимся на бой с врагом народом.

Для целей, изложенных в этом плане, было необходимо по меньшей мере 5000 мин и 30 тонн взрывчатки, остальную часть тола партизаны могли бы добыть сами. Кроме взрывчатки нужны 1600 автоматов, 80 пулеметов, 50 минометов, 80 противотанковых ружей, более 1000 винтовок, 3000 снарядов, 14 000 гранат, соль, табак, медикаменты. Весь груз составит около 140 тонн. Иными словами, понадобится 250 самолето-вылетов транспортной авиации...

Строкач знал, что партизаны Украины будут снабжены всем, что предусматривалось планом. Забота партии и правительства о всемерной поддержке борьбы народа в тылу фашистов была постоянной и действенной. Доказательства тому не только большая материальная помощь по обеспечению боевых действий партизан, но и присвоение генеральских и офицерских званий командирам партизанских соединений, те правительственные награды, которые от имени Президиума Верховного Совета СССР предстоит вручить сотням партизан.

Как же мог он теперь, после огромной, напряженной работы по подготовке весенне-летнего плана боевых и диверсионных действий партизан Украины, он, начальник УШПД генерал-майор Строкач, не полететь в тыл противника, к партизанам?.. План этот надо внедрить в жизнь! Ради этого Строкач должен сделать все, что в его силах, отдать этому плану все свое умение, все знания, опыт. Ради этого летят в тыл врага целые эскадрильи самолетов, сотни людей и сотни тонн грузов...

Полет продолжался уже около шести часов. Кончалась короткая июньская ночь. На востоке загоралась заря.

Все пассажиры прильнули к иллюминаторам, но костров-сигналов не было. Не возвращаться же домой!.. Летняя ночь на исходе. Так хотелось, чтобы продолжался этот предутренний полумрак до тех пор, пока не покажутся заветные костры...

— Ура! Костры!..

— Сигналят!

Самолет идет на посадку и приземляется на площадке партизанского соединения Героя Советского Союза генерал-майора Александра Николаевича Сабурова.

— Здравствуй, земля партизанская!

Было утро 5 июня 1943 года.

В партизанском краю

Партизаны откатали Ли-2 в укрытие и не успели замаскировать его ветками, как над аэродромом появилось еще несколько самолетов. Один из них посадила командир полка Валентина Гризодубова. В этом самолете находились руководитель лекторской группы ЦК КП(б)У Кузьма Дубина, писатель и офицер связи УШПД Яков Баш и другие посланцы Большой земли.

Строкач с волнением смотрел, как один за другим приземлялись на поле транспортные самолеты. Вспомнил, с каким трудом удалось добиться первых трех самолетов. В это утро на партизанский аэродром их приземлилось десять! Доставлены первые десятки

тонн груза и 30 пассажиров. Как выросли возможности штаба!..

Строкач подошел к Гризодубовой, крепко пожал ей руку.

— Большое спасибо вам, Валентина Степановна, спасибо начальнику штаба вашего полка Верхозину. Спасибо за то, что вы имеете таких отважных и славных пилотов и штурманов. Спасибо им всем от партизан за мужество! — горячо поблагодарил генерал Строкач.

Группа Строкача, сев на подводы и на оседланных коней, тронулась с аэродрома. Их сопровождала рота партизан во главе с белобрысым парнем Смирновым, молчаливым, но, как говорили, лихим в бою. Направились в лагерь генерала Сабурова. Строкач с интересом смотрел на партизан. Все хлопцы чисто выбриты, бравые, стройные, веселые...

Фыркнул конь под Строкачем. Ногами всадник чувствовал теплое тело лошади. Строкач огляделся и только тогда увидел живописные берега речки Уборть, в которой отражались, как в зеркале, пышные дубы, высоченные сосны и березки. В тихий гомон партизан, ехавших рядом, мирно вплетались птичьи перепевы.

В восемь утра гости с Большой земли прибыли в лагерь.

— Рад вас видеть, Александр Николаевич! — сказал Строкач, обнимая Сабурова. — Думаем задержаться в вашем лагере. Не прогоните?

— Мы вас так ждали, — ответил Сабуров. — Тем паче прилетели вы не с пустыми руками, — в быстрых, острых глазах Сабурова спрятана улыбка.

— Сразу видно, что вы практичный человек. Но у нас не только тонны грузов, в наших головах —

конкретные предложения! Верно же? — обратился Строкач, улыбаясь, к своим спутникам по полету.

— Вот именно! — подтвердил Старинов.

Все вошли в избу лесника. Вдоль стен — скамейки, посреди комнаты — стол из свежесвыструганных досок. На стене — большая карта европейской части СССР, портрет Ленина. Пахло сосновой смолой.

Около месяца тому назад в этой же хате состоялось совещание, которое проводил секретарь ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко. Тогда план боевых действий партизан на летний период обсуждали в общих чертах — исходя из указаний Ставки Верховного Главнокомандования.

На этот раз в хате собрались командиры соединений и отрядов, дислоцировавшихся на севере Житомирской и Ровенской областей, здесь же Д. С. Коротченко, секретарь Ровенского подпольного обкома партии генерал-майор В. А. Бегма, секретари Винницкого и Каменец-Подольского обкомов партии Д. Т. Бурченко и С. А. Олексенко, секретарь Черниговско-Волынского подпольного обкома партии генерал-майор А. Ф. Федоров, командиры соединений генерал-майоры С. А. Ковпак и А. Н. Сабуров, С. Ф. Маликов, Я. И. Мельник, представитель ЦК Компартии Молдавии И. И. Алешин и другие партизанские руководители соединений и отрядов, находившихся в партизанской зоне.

Дружеские рукопожатия, улыбки, приветствия.

— Как Москва?..

— Всем вам, дорогие товарищи, большой привет от Центрального Комитета ВКП(б), от ЦК коммунистов Украины! Перед отлетом Леонид Романович Корниец просил меня земле родной поклониться, обнять вас всех!

— На это дело вы, Тимофей Амвросиевич, целый месяц потратите,— заметил шутя Коротченко.— А времени у нас в обрез.

Демьян Сергеевич посмотрел на часы и поднялся из-за стола. Выглядел он уставшим. За два прошедших месяца не одну сотню километров прошел секретарь ЦК КП(б) Украины с партизанами генерал-майора Ковпака, делил с ними и радость, и беду, не раз во вражеском тылу смотрел в глаза смерти...

— Товарищи командиры, комиссары! Мы накануне больших событий на фронте. Ваши отряды и соединения здесь, на севере Житомирской, Ровенской и Волынской областей, создали партизанский край, который сливается на севере с партизанским краем Белорусской республики. Партизанская зона — это большое дело. Она позволяет нам принимать самолеты, лечить раненых, поддерживать нашу Советскую власть. Это важное политическое дело. Но в данный момент партизанское движение переходит в новую фазу. Ставка Верховного Главнокомандования требует от украинских партизан активизации действий, особенно на коммуникациях противника, требует от нас оперативной боевой помощи Красной Армии. Сейчас перед вами выступит начальник Украинского штаба партизанского движения, член Центрального Комитета КП(б) Украины генерал-майор Тимофей Амвросиевич Строкач. Человек он военный. Ему и карты в руки в этом очень важном разговоре.

Строкач вынул из полевой сумки блокнот, перелистал несколько страничек, как бы решая, с чего начать.

— Товарищи партизаны! Ваша боевая деятельность постоянно находится в центре внимания Коммунистической партии, Ставки Верховного Главноко-

мандования. Об этом свидетельствуют десятки тонн военных грузов, которые вы получили уже сегодня. Вами гордятся на Большой земле и вас помнят. Об этом свидетельствуют те несколько тысяч правительственных наград, которые я имею честь вручить вашим лучшим командирам и бойцам.

— Ура!

— Слава Коммунистической партии!

— Слава Красной Армии!

— Я прибыл сюда вместе с группой специалистов Украинского штаба партизанского движения, чтобы скоординировать с вами планы боевых и диверсионных операций каждого соединения и отрядов, собравшихся в партизанской зоне. Одной из главных задач Красной Армии этим летом будет битва за Харьков, Донбасс, Левобережную Украину и Днепр. Главная задача партизан — перекрыть железнодорожные и шоссейные дороги. Это коренная наша задача в настоящее время. Непосредственно выполнять ее будут минеры, подрывники. Только сегодня на вашем аэродроме приземлилось десять самолетов. Столько же их должно прилететь и завтра, и послезавтра, пока партизанские отряды не получат достаточное количество минно-подрывного снаряжения, некоторую часть оружия. Обратите внимание на применение новой подрывной техники. Породитесь с этой техникой! Ставьте мины замедленного действия. Ставьте их как можно больше! И эти мины в назначенный вами день и час будут взрываться под немецкими эшелонами...

В хате стало тихо. Начальник партизанского штаба говорил об известном и в то же время, выделяя основные вопросы, конкретизировал их, уточнял частные задачи.

— Поймите меня правильно: наш штаб изо всех сил старается помочь вам современным оружием — автоматами, ружьями ПТР, минометами и прежде всего минами, толом. Но Москва не может прислать все необходимое количество взрывчатки. Тол нужно искать здесь, в тылу врага, как это и делают уже многие партизаны, извлекая тротил из бомб, снарядов. Такие «чертовы кухни» полным ходом работают в соединениях Федорова, Бегмы, в отряде полковника Брынского и в других формированиях. Начинание энтузиастов заслуживает поддержки. Научитесь технологии и безопасности в этом нелегком, но весьма нужном деле, и вы сможете вести настоящую войну с эшелонами противника.

Строкач сделал паузу и вздохнул.

— Я видел в лагере невооруженных бойцов. Мне просто неловко смотреть на таких воинов. «Какой же ты партизан без винтовки, без карабина, без автомата?» — хотелось мне спросить у них. Конечно, было бы идеально — вооружить партизан, как и армию, современным оружием. Наш штаб стремится к этому. Но в ожидании автоматов с Большой земли хорошо бы остановить немецкий эшелон с оружием. Вооружайтесь за счет врага! Именно так вооружались партизаны в гражданскую войну. И еще о минерах. Время торопит. Нам нужно обучить только в ваших отрядах и соединениях хотя бы четыре тысячи подрывников, чтобы они научились пользоваться новым оружием, минами замедленного действия — МЗД-5. С нами прилетел мой заместитель Илья Григорьевич Старинов. Пришлите к нему командиров диверсионных отрядов, групп на инструктаж. Немедленно нужно организовать курсы, школы минеров. Помните, что подрывники — бойцы передовой линии партизан-

ского фронта. Цените их труд, представляйте их к правительственным наградам!..

Строкач достал из полевой сумки журнал «Перец» и, улыбаясь, показал всем обложку. На рисунке были изображены подрывники Герои Советского Союза Григорий Балицкий и Василий Яремчук. Оба партизана несли на плечах длинный рельс, а на нем висели «колбасы-эшелоны» — по два кольца таких колбас возле каждого.

— Так тож Василь Яремчук! — узнал кто-то Яремчука в дружеском шарже.

— И Грицько Балицкий!

— Похожи оба! — согласился Строкач. — Дозвольте прочитать оду в их честь.

Григорій Балицький з поваги до тевтонів
Тринадцять висадив ворожих ешелонів.
І стільки ж рівно Яремчук Василь.
У них, як видно, спільний стиль.
«Тринадцять», кажуть, чортове число,
А вам воно удачу принесло.
Для нас «тринадцять» — це тільки початок.
А для фашистів — на капут завдаток...

— Молодцы хлопцы!

— Молодцы и подрывники, и журналисты «Перца». Но Василь Яремчук немного недоволен такими стихами, потому что он уничтожил двенадцать, а не тринадцать эшелонов. Поэт дописал для рифмы, и вот теперь Яремчук хочет исправить эту неточность. Он прилетел сюда во главе группы, чтобы создать отряд из пятидесяти — шестидесяти партизан и уничтожить по эшелону на каждого бойца.

— По эшелону на каждого? — удивленно переспросил кто-то из командиров.

— Вот именно! По эшелону на партизана! Такое

социалистическое обязательство взял наш Василий. Это будет война Яремчука с Гитлером по большому счету! Вот я и хотел предложить вам, товарищи, чтобы вы в предстоящих боях стремились приблизиться к результатам Яремчука. Это очень важно. Но успешно уничтожать фашистские эшелоны мы сможем только в том случае, если будем применять тактику маневренных диверсионных отрядов. Не засиживайтесь на одном месте. Старайтесь перехитрить гитлеровскую охрану на железных дорогах. Ставьте как можно больше мин замедленного действия на одном участке. Тактика маневренного диверсионного отряда в шестьдесят, сто, сто двадцать человек была главной в деятельности вашего боевого побратима Героя Советского Союза Ивана Копенкина. А действовал этот отряд, как вам известно, не в Полесье, а в лесостепи и в степи на Харьковщине, Ворошиловградщине. Мог бы там пройти Копенкин с обозом?.. Конечно нет! Для копенкинцев было достаточно колхозного сада, чтобы незаметно передневать и пойти дальше, ударить по врагу. А в соединении генерал-майора Сабурова только обоз состоит из полутысячи повозок. Это, конечно, хорошо, что такой мощный обоз! — улыбнулся Строкач. — Но с ним не пройдешь к Жмеринке и Казатино. А надо истреблять вражеские эшелоны именно под Жмеринкой, Казатином, Шепетовкой, Здолбуновом, Знаменкой, Смелой и другими железнодорожными узлами. Настало время, когда крупные соединения должны отпочковывать меньшие отряды для самостоятельной деятельности. Однако этого многие товарищи не хотят понять, ругают наш штаб, что мы этого требуем. Товарищ Сабуров еще в феврале даже жалобу на нас написал в Центральный штаб партизанского движения, что, мол, Украинский штаб, давая

распоряжение о выделении из его соединения отряда Иванова, хочет, чтобы немцы разбили сабуровцев по частям. Здесь есть доля правды в том, что во время боев с карателями оборону лучше держать крупным отрядом. Это было подтверждено десятки раз на практике. Но партизаны существуют не для обороны, а для нападения на противника. Оборона — это исключение, явление нежелательное, а нападение, движение, маневр — это правило! В период подготовки на фронте к большим военным действиям тактика диверсионных маневренных отрядов, смешанных отрядов и тактика рейдового соединения должны быть преобладающими в нашей борьбе...

— Тактика рейдового соединения на основе глубокой разведки! — заметил генерал-майор Ковпак.

— Именно так, Сидор Артемьевич! — согласился Строкач.— Рейд на основе глубокой продуманной разведки. Как же можно без разведки?! Еще несколько слов, товарищи, о партизанском крае. Тактика партизанской зоны вполне оправдывает себя на границах Смоленщины, Белоруссии и Латвии, в Ленинградской и Псковской областях. Партизанская зона необходима и здесь, на севере Украины, на западе и на востоке от Днепра, в Сумщине. Такие зоны приковывают к себе значительные силы противника. Но задача, которая стоит перед нами сегодня, требует создания маневренных отрядов, способных наносить врагу систематические удары в самых уязвимых точках. Мы должны уничтожать вражеские эшелоны, блокировать железнодорожные узлы, срывать поступление живой силы и техники врага. Судьба освобождения Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтийских республик и западных областей Российской

Федерации и всей войны решается Красной Армией на фронте, и мы, партизаны, должны оказать фронту всемерную помощь... Не могу не напомнить вам о коварстве и изворотливости фашистов. Два месяца назад в Украинский штаб партизанского движения из разных районов вражеского тыла были доставлены листовки, написанные якобы от имени командования прорыва Красной Армии к партизанам. На самом деле это немецкие листовки, и появление их было не случайным. Фашистское командование, обеспокоенное размахом партизанского движения на Украине и в Белоруссии, решило внести «свои коррективы» в вопросы тактики партизан на весенне-летний период нынешнего 1943 года. Авторы листовок предлагают вам, партизанам, отказаться от мелких отрядов и спокойно ждать «приказа командующего армией прорыва» идти в «победный поход на Варшаву и Берлин»... Полностью текст этой фальшивки вы знаете, и нет надобности его повторять. В провокационной сущности листовки разобрались многие, но не все, тем более что идея крупных и сверхкрупных отрядов и сейчас остается популярной среди партизан. Фашистская пропаганда именно на это и рассчитывала и призывала украинских и белорусских партизан «объединяться» и «ждать спокойно»... Вот почему, как только Демьян Сергеевич сообщил нам в Москву об этой листовке, ЦК КП(б)У и наш штаб подготовили и передали партизанским отрядам радиограмму, в которой разъяснялся провокационный смысл листовки...

Немало еще было сказано начальником штаба, и главное сводилось к умению действовать тактически грамотно, активно, оперативно. Немало задали партизаны вопросов генералу Строкачу главным образом о новом в тактике минеров в предстоящий период, о

приемах диверсионных действий на железных дорогах, усиленно патрулируемых немцами.

Потом выступил секретарь ЦК КП(б)У Коротченко:

— Я остановлюсь на некоторых вопросах национальной политики в нашем движении. С каждым днем население западных областей Украины все больше убеждается, что Гитлер и его подручные — украинские и польские буржуазные националисты — стараются столкнуть поляков с украинцами. Мы должны разоблачать истинное лицо националистов, защищать и польское, и украинское население, помогать полякам создавать отряды из местного населения. В Ровенском соединении генерал-майора Бегмы уже есть польские отряды Собесняка, Куницкого. Наши партизаны должны помнить, что задача у нас с польским народом общая — разбить немецко-фашистские войска, изгнать их с Украины, а потом помочь полякам освободить и их родину.

Выступление Демьяна Коротченко было выслушано с большим вниманием. Все понимали, насколько важны вопросы, поставленные секретарем ЦК КП(б)У для будущей деятельности партизанских отрядов.

После совещания командиры собрались под ветвистым дубом вокруг полковника Старинова. Илья Григорьевич разложил на сбитом из ящиков столе новые мины и показывал, как они смонтированы. Подходили все новые и новые люди, главным образом подрывники. Ради их работы и прилетел сюда полковник Старинов.

— Эта небольшая коробка, в которой смонтирована «эмзедушка», — показывал Старинов свою новинку, — может причинять весомый урон фашистам.

Если это поймут подрывники, то мы превратимся в грозную силу для вражеских эшелонов.

Вторую группу минеров инструктировал старший лейтенант Егоров. Генерал Строкач с удовлетворением наблюдал, как убедительно доказывал он партизанам превосходство новой мины над теми, которые до сих пор были на вооружении большинства партизанских отрядов. Мины нажимного, внезапного действия перестали оправдывать себя, так как противник усовершенствовал систему охраны железных дорог и обнаружить мины старого образца теперь не составляло большого труда.

На следующий день группа генерала Строкача прибыла в соединение Ковпака.

На лесной поляне построился ветеран соединения, 1-й батальон — Путивльский отряд. Тимофей Амвросиевич Строкач от имени Президиума Верховного Совета СССР вручает партизанам правительственные награды. Первую медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й степени он прикалывает к кителю секретаря ЦК КП(б)У Демьяна Сергеевича Коротченко, затем командира соединения Сидора Артемьевича Ковпака и комиссара Семена Васильевича Руднева. Тремстам командирам и бойцам-ковпаковцам вручил Строкач правительственные награды.

А после торжественной церемонии командование соединения склонилось над топографической картой. Партизаны готовились выступить в Карпатский рейд, развернуть диверсионную деятельность на шоссежных дорогах, на нефтяных промыслах в Прикарпатье.

— Карпатский рейд будет иметь большое политическое значение,— говорил Строкач.— Ковпак в Галиции, в Карпатах! Это очень важно для населения западных областей Украины. Личность ваша, товарищ Ковпак, как партизанского вожака известна и народу, и врагам. Надеемся на успех вашего рейда, генерал!

— Пойдемте к речке, Тимофей Амвросиевич. Скажу по правде: люблю природу, как матушку родную. Мы — дети природы, а она свою службу несет исправно, знает свое дело. К ней только надо приловчиться — и когда ведешь хозяйство, и когда воюешь...

Еще через день генерал Строкач прибыл в лагерь соединения Героя Советского Союза генерал-майора А. Ф. Федорова.

Вася Бобырь записал в своем дневнике: «Федоров — человек суровый и требовательный. Его глаза бывают гневными — и тогда дрожит враг, встречаясь лицом к лицу с Федоровым. Но когда рядом друзья — Алексей Федорович веселый человек, большой шутник...»

Алексей Федорович Федоров, первый секретарь Черниговского обкома партии, стал секретарем и Волынского подпольного обкома партии. В партизанском соединении, которое он возглавил, издавалась республиканская газета «Радянська Україна», орган ЦК КП(б)У, тираж ее достигал нескольких тысяч экземпляров, систематически проводились политинформации комиссаров и политруков, в отрядах и ротах выпускались стенные газеты, боевые листки.

Соединение уже было построено, начальник штаба Д. И. Рванов отдал Строкачу рапорт. После официального приветствия, вручения наград состоялся парад партизан. Шли мужчины призывного возраста.

Шли юноши, деды и подростки. Строем шли женщины-партизанки. В ватянках, куртках, шинелях, пальто, с автоматами, винтовками — отечественными и трофейными.

Тимофей Строкач держал руку под козырек. Ему казалось, что перед ним шагали не просто люди разных поколений и многих мирных профессий, а шел сам народ, поднявшийся на смертный бой с немецкими фашистами во вражеском тылу. «Партизаны — наша слава, наша гордость... Это те сыны Украины, перед которыми снимут шапки целые столетия, которыми будут гордиться поколения... Это неумирающий символ бессмертия нашего доброго и честного народа...» Тысячу раз прав Довженко, произнесший эти сердцем рожденные слова. Этих людей, что проходят мимо генералов Строкача и Федорова, никогда не забудут, их никому не победить.

Генерал-майор Строкач не сводил глаз с партизанских колонн. Во весь рост предстало перед ним величие народа, Коммунистической партии, объединившей в единую семью свободные народы великой страны. Вот где воочию проявляется чувство семьи единой!..

От генерала Сабурова прибыл гонец с пакетом. Строкач взял письмо.

Сабуров сообщал, что в районах Овруча и Мозыря собираются фашистские воинские части, чтобы повести наступление на партизанскую зону.

Строкач обсудил с Федоровым и Рвановым обстановку. Решили послать разведку в сторону Мозыря. В соединения Ковпака, Сабурова и другие отряды послали конников с предупреждениями.

Совещание командного состава соединения Федорова продолжалось. Присутствовало около 100 чело-

век. Строкач излагал главную задачу, которая стояла перед соединением: надо оседлать четыремя отрядами все четыре ветки Ковельского железнодорожного узла.

— Задача сложная, ответственная и почетная, — говорил Строкач. — Наш штаб не пожалел для вас новых мин МЗД-5, взрывчатки. Вы должны парализовать работу этого крупного и очень важного железнодорожного узла на магистрали Варшава — Киев. Ковель — первый узел на нашей советской земле с запада. Все, что приходит к нему из Германии и Польши, должно уничтожаться. Вы должны закупорить Ковель, сделать движение немецких эшелонов невозможным. Это очень важно для Красной Армии, которая будет сражаться под Харьковом, под Полтавой...

— Постараемся сделать именно так! — сказал командир соединения Федоров и обратился к своему новому заместителю по диверсионной работе Егорову: — Верно я говорю, товарищ Егоров?

— Да. Подрывники, минеры сделают все, чтобы парализовать Ковельский узел, — ответил старший лейтенант.

— Ваша операция так и будет именоваться: «Ковельский узел», — продолжал Строкач. — Конечно, было бы идеально вывести из строя этот железнодорожный узел на месяц, полтора. Но немцы примут все меры, чтобы поезда шли на восток. Борьба будет тяжелой, так что всем четверем вашим отрядам будет где показать себя. Эшелоны, которые пройдут от Ковеля дальше на восток, будут уничтожаться партизанами соединения генерала Бегмы, Федорова-Ровенского, еще далее на восток — соединениями Маликова, Грабчака. Из этого мы секрета не делаем. Но в

своей боевой работе подрывники должны помнить, что им незачем оставлять эшелон для минеров Бегмы, Маликова и Грабчака. Надо стараться его уничтожить здесь, под Ковелем, под Ровно. На других надейся, но сам не плошай. Я хочу, чтобы вы, товарищи, поняли всю ответственность, которая ложится на вас в этой операции. Украинский штаб партизанского движения верит, что своими диверсионными действиями ваше славное соединение войдет в историю партизанской борьбы...

Командир отряда Герой Советского Союза Григорий Балицкий, говоря о готовности к диверсионным действиям, сказал:

— Наш отряд вырос из небольшой группы до семисот бойцов, вооружившись главным образом за счет противника. С немецкими эшелонами мы на «ты». Вот почему мы не хотим отдавать добытое нами трофейное оружие. Надо, чтобы оно оставалось в отряде...

— Это неверно,— возразил Федоров.— Оружие надо распределять так, чтобы вооружить небооруженных. Сделано нами много. Но чтобы помочь Красной Армии изгнать фашистские войска с Украины, надо сделать еще больше. Украинский штаб хорошо нам помог, обеспечивает нас толлом, минами. Оружие и боеприпасы распределим по потребностям и по боевым задачам каждого отряда. Моральное состояние бойцов и командиров высокое. Кони у нас хорошие. Просим только, товарищ Строкач, прислать нам еще радиостанции для связи с отрядами.

— На днях вам пришлют и рации, и радистов,— пообещал Строкач.— Еще я хотел заметить, товарищи, вот что. Есть отряды, которые выросли до определенного уровня и прекратили рост. Это неправильно.

Надо ставить вопрос так, чтобы из вашего соединения рождались новые соединения и отряды, которые пошли бы на самостоятельную работу. Многие из вас, здесь присутствующих, могут командовать крупными отрядами. Это хорошо. В рейде каждый ваш отряд будет иметь рацию и будет поддерживать связь не только с генералом Федоровым, штабом соединения, но и с нами, с Украинским штабом партизанского движения. Такое руководство боевыми действиями наших партизан еще год назад нам и не снилось! Советую штабу соединения, вам, товарищ Рванов, подробнее сообщать нам о ходе операции. Называйте фамилии людей, которые самоотверженно выполняют задания, которые разумно и оперативно руководят боем. Бывает, что рядовые партизаны ругают вас, командиров, за то, что, прикрываясь фразами о боевом учении, вы подолгу сидите на одном месте, в одном лагере. Надо действовать, а не сидеть в лагере. Я прошу вас также довести до сведения бойцов порядок награждения партизан, чтобы они знали об этом, как знают наши солдаты на фронте. Сейчас уже год 1943-й. Уже позади наши победы под Москвой и Сталинградом. И еще я должен сказать и вам, и командирам всех соединений и отрядов, где успею побывать: надо покончить с «немцебоязнью». Это значит, что партизаны не должны бояться немцев как военной силы, а должны смело сражаться с ними, используя свою партизанскую тактику. Нечего и говорить, что гитлеровская армия очень сильна. Если бы было не так, враг не дошел бы до Волги и до Кавказского хребта прошлой осенью. Сильны фашисты и здесь, в тылу. Есть сведения, что они собираются повести наступление на нашу партизанскую зону и уже сосредото-

чивают войска у Овруча и Мозыря. Но не так страшен черт, как его малюют!.. Партизан должен понять, что он сильнее фашиста, потому что воюет партизан на своей земле, где каждое дерево, каждый куст может стать для него родным домом, на земле, где поддерживают партизан люди в селах и городах. Советский партизан воюет за правое дело, за освобождение своей родной земли и за освобождение человечества от гитлеровской нечисти! Что может быть благороднее этой великой исторической миссии! Принимайте в отряд только проверенных людей, чтобы они не подвели в походе, в бою. Добивайтесь, чтобы партизаны стреляли только в цель, а не в небо и не в лес «за молоком», чтобы не глушили толом рыбу, а берегли этот тол для немецких эшелонов. Мне кажется, что Балицкий прав. Трофейное оружие, другое снаряжение, взятое в бою у врага, надо делить между теми отрядами, которые добыли его в бою. Больше должен получать тот отряд, который не отсидивается в лесу, а рвется в бой!..

— Правильно, товарищ Строкач!

— Правильно!— раздались одобрителные возгласы командиров.

Фашистское командование знало о пребывании в партизанских отрядах секретаря ЦК КП(б)У Коротченко и начальника УШПД генерала Строкача. Знали они и о самолетах, приземлявшихся на партизанские площадки с грузами и людьми. Знали и потому начали большую карательную экспедицию.

Строкач торопился. Надо побыстрее отправить из партизанской зоны соединения и отряды на боевую работу в районы железнодорожных узлов, в рейды.

Он хотел еще полететь на левый берег Днепра к черниговским и киевским партизанам, которые должны помочь Красной Армии в битвах за переправы на Десне и Днестре. Украинский штаб на июнь 1943 года имел радиосвязь со 116 отрядами, со множеством разведывательных и диверсионных групп партизан-парашютистов. Во многих оккупированных областях Украины появились областные партизанские штабы, объединившие десятки отрядов. Их деятельность тоже должна быть направлена на борьбу с вражескими эшелонами, на срыв перевозок фашистских войск и техники к линии фронта... Строкачу хотелось сделать как можно больше.

Коротченко и Строкач снова прибыли в лагерь ковпаковцев. Партизаны собирались в рейд.

Прощаясь, Ковпак обратился к Строкачу:

— Присылайте нам самолеты. Патрончиков нам, патрончиков побольше...

— Сбросим. Лишь бы была четкая радиосвязь,— ответил Строкач.— Берегите себя, Сидор Артемович. И еще...— он достал из полевой сумки толстую тетрадь и прочитал: — «Товарищу Ковпаку Сидору Артемовичу.

В память посещения Вашего партизанского соединения оставляю Вам настоящую тетрадь для ведения личного дневника предстоящего рейда 1943 года.

Надеюсь, что дневник будет богат славными боевыми подвигами партизанских отрядов и отдельных командиров и бойцов, которые в будущем войдут в историю.

В дневнике прошу отражать лично отданные Вами распоряжения, личные впечатления и все то, что будет ценно в дальнейшем для истории партизанского движения.

Записывайте ежедневно о всем пережитом как лично Вами, так и всем Вашим соединением.

Желаю успеха!

Ваш Т. Строкач

12 июня 1943 года»¹.

— Спасибо, Тимофей Амвросиевич! — принял подарок Ковпак. — Постараюсь записывать. Наши люди и рейды стоят того, чтобы о них написать. Верно же, комиссар? — обратился он к Рудневу. — Семен Васильевич тоже ведет дневник...

— Да. Я перед выходом в дальние края хотел вам, товарищ Строкач, показать кое-что из написанного за последнее время. Кто его знает, возможно, больше мы и не встретимся. Мне же с вами хочется быть откровенным, — сказал Руднев задумчиво, перелистывая тетрадь. — Вот я записал 4 июня, за день до вашего прилета к партизанам...

Генерал Руднев подал тетрадь Строкачу.

«Стоим на месте. Погода исключительная. Место стоянки — лиственный лес. Место сухое, хорошее, пастбище для скота — хорошее. Метров двести — река Уборть. Бойцы целый день купаются, греются на солнце, чинят сапоги, белье стирают — одним словом, приводят себя в порядок, готовятся к трудовому и сложному походу. Даже я не выдержал и погрел свои старые кости на солнце.

Днем прошел по всем ротам, поговорил с бойцами. Сегодня должен улететь в Москву тов. Вершигора по вызову. Неприятную получил радиogramму от тов. Строкача. «Долго ли будете стоять у Сабурова и скоро ли выступите в рейд?» Сабуров стоит шесть месяцев, а мы только пришли после 11-дневных боев.

¹ Эта тетрадь экспонируется в Музее Великой Отечественной войны в Киеве.

Форсировали Припять. Бойцы устали и требуют отдыха, а Строкач набрался нахальства спрашивать, долго ли будете стоять?..»

— Хорошо, прямо-таки художественно вы пишете, Семен Васильевич,— сказал Строкач, пробегая глазами еще раз слова «Строкач набрался нахальства спрашивать...» Полистал дальше странички дневника. Подробно описан бой 18 мая 1943 года во время форсирования Припяти, когда соединение вышло из кольца между Днепром и Припятью, разгромив полицейский батальон и нанеся поражения немецкой пехотной дивизии и танковому полку. Руднев писал о гибели командира 4-й роты Пети Горбовцева и самого старого бойца в соединении Григория Юника. «Слава вам, партизаны, герои! Вечная память — погибшим!..» Вот еще фраза: «Наши люди — они лучше золота»...

— Вы настоящий комиссар, Семен Васильевич,— сказал Строкач, просматривая тетрадь Руднева.— Вы любите своих бойцов. В этом ключ ваших побед, в том числе и 18 мая на Припяти. Что же касается резких выражений в мой адрес, то я не обижаюсь. Для УШПД главное, чтобы отряды были в боевых рейдах, в работе. Засиживание на одном месте, да еще в партизанской зоне,— это та же немцебоязнь! Не думайте, что подобные телеграммы я посылал только вам. А ваши записки непременно войдут в историю партизанского движения на Украине. Когда-то им цены не будет....

— Вы думаете? — спросил Руднев.

— Уверен в этом... О! — удивился Строкач.— Да вы успели записать и события дня сегодняшнего!

И Строкач прочел: «Путь далекий, тяжелый, но путь очень важный. Утром много говорили лично с

тов. Строкачем по вопросу задач соединения и по ряду личных вопросов, касающихся судьбы семьи. Идем далеко, что будет с нами — неизвестно. Строкач интересовался прошлым отряда. Как я работаю с Ковпаком и т. д. Во время беседы дал очень много ценных советов в дальнейшей работе, а самое главное — беречь отряд, беречь людей.

...Познакомился с тов. Строкачем — он произвел на меня чрезвычайно приятное впечатление, прекрасный человек. В конце беседы он подарил мне маленькие часики, которые я попросил передать жене, так как они совершенно мне не нужны. Днем говорили вместе с тов. Коротченко, Строкачем и Ковпаком по ряду вопросов, задач, стоящих перед соединением в последующей работе и т. д...»

— Спасибо за все, дорогой Семен Васильевич! — поблагодарил Строкач, отдав Рудневу тетрадь.

Прибывшая на проводы группа ЦК КП(б)У и УШПД прощалась с командованием соединения. Ковпак еще раз попросил:

— Смотрите, товарищ Строкач, сбрасывайте нам побольше патрончиков. Хвост за собой большой тащить не станем! — намекнул он на обоз.

— Сбросим вам и Винницкому соединению, которое будет идти некоторое время параллельно с вами. За сорокапятимиллиметровую пушку, что отдали вы Федорову, сбросим вам шесть полуавтоматических ПТР и десять тысяч патронов. Была бы бесперебойная связь с вами! — Строкач обнял Ковпака и добавил: — И себя берегите...

Партизаны колоннами тронулись в путь. На левом берегу Уборти вместе с провожавшими остался только комиссар Руднев. Коротченко обнял его, прощаясь.

— За эти пятьдесят дней, Демьян Сергеевич, сдружился с группой ЦК, с вами. Ваше присутствие в нашей части принесло большую пользу. И народ вас полюбил...

Руднев подошел к Строкачу, положил руку на его плечо.

— Рад, что встретил вас, пограничника и партизана. Хочется встретиться еще когда-нибудь! — тихо проговорил Руднев. — Передайте привет жене, сыну.

Руднев вскочил на своего гнедого, приподнялся на стременах:

— Передайте привет Родине, народу!

Всадник исчез за деревьями. Строкач и Коротченко пошли к своим лошадям. У Тимофея Амвросиевича сжималось сердце. Оно будто предчувствовало, что больше уже не придется встретиться с этим черноусым, красивым человеком, одним из пионеров партизанского движения на Украине, талантливым военачальником, пламенным комиссаром, который был душой не только для бойцов своего соединения, но и для тысяч других партизан, был олицетворением чистой совести, непоколебимой веры и преданности делу коммунизма...

12 июня группа ЦК КП(б)У и УШПД прибыла в соединение ровенских партизан генерал-майора В. А. Бегмы. Это формирование возникло на базе отряда «За Родину», пришедшего в Ровенскую область в составе сабуровского соединения из Сумской области. Отрядом командовал Иван Федоров-Ровенский. Решением ЦК ВКП(б) депутат Верховного Совета СССР Василий Андреевич Бегма был отозван с фронта и послан на Ровенщину секретарем подпольного об-

кома партии. Строкач знал Бегму еще до войны и особенно подружился с ним перед вылетом Бегмы в партизанский отряд. Весной 1943 года было создано второе Ровенское соединение. Областной штаб стал объединять 20 отрядов, насчитывавших несколько тысяч партизан, были среди них и два польских отряда.

— Когда я в январе этого года улетал из Москвы, Михаил Иванович Калинин, передавая ордена и медали для награждения партизан, сказал: «Берегите, товарищ Бегма, людей. Люди у нас хорошие. Таких людей нет нигде в мире»,— рассказывал генерал-майор Бегма.— Это очень правильно, потому что наши люди — сыны социалистической революции. Товарищи верно говорили о боевой работе. Но война — это не только бои, диверсии, разведка. Наша война состоит еще и в том, чтобы не дать оккупантам хлеб, мясо, картофель, овощи и в то же время накормить людей, живущих в партизанской зоне. Без хлеба долго не повоюешь. Весной партизаны помогли крестьянам посеять. У нас на учете пятнадцать государственных хозяйств, в которых соберут урожай не немцы, а мы, партизаны. Об этом мы уже подумали. Обком партии планирует хозяйственные работы в партизанской зоне так, чтобы хватило крестьянам на посевы для будущей весны, потому что к этому времени придет Красная Армия. Мы не дали немцам вывезти двадцать тысяч тонн зерна, десять тысяч голов скота, много птицы. Население не выплатило оккупантам шестьдесят миллионов марок. В этом тоже наша борьба против фашистов. В наших отрядах работают десятки различных мастерских. У нас есть бани, прачечные. Наши медики помогают тысячам жителей окрестных сел и местечек. Это тоже

наша борьба за здоровье людей, война против тифа, вшей, эпидемий...

Слушая Бегму, Строкач подумал об экономическом саботаже украинских селян, о саботаже рабочих на предприятиях. Ведь сколько ни пытались гитлеровцы «раздуть» доменную печь в Запорожье, хотя бы одну, так ничего и не получилось. Рабочие не позволили этого сделать. Это тоже война. И очень большая война. Украина не дала Гитлеру ни стали, ни машин. И в этой борьбе участвуют миллионы советских людей!..

На совещании комсостава соединений генерала Бегмы и Федорова-Ровенского Строкач поставил главную задачу — оседлать Сарненский железнодорожный узел. Полковник Старинов выступил с инструктажем о новой мине. После совещания он еще долго был в окружении минеров.

Когда шли ужинать, Строкач вдруг рассмеялся, вспомнив:

— Только теперь до меня дошло!.. Вручал я медаль невысокому, сухощавому, уже пожилому партизану и сказал ему: «Спасибо вам, товарищ Грицун, за мужество в боях!» А он мне ответил: «Нема за що, пане-товарищу генерал!» Наверное, в кровь у них вошло это «пан». Это хорошо, что у вас много бойцов из местного населения..

— Тысяч пять,— уточнил Федоров.

Комиссар соединения и секретарь обкома партии Лука Кизя подарил Строкачу журнал «Народний месник», который выпускался в пяти экземплярах, напечатанных на машинке. На титульной странице значилось, что это иллюстрированный ежемесячный исторический, литературно-художественный и военно-политический журнал Ровенского подпольного

обкома КП(б) Украины и соединения партизанских отрядов Ровенской области. Адрес издания — немецкий тыл, время — май — июнь 1943 года. Журнал вручили с автографом: «Начальнику УШПД, генералу Строкачу Т. А. На память о незабываемых днях личного руководства героической борьбой народных мстителей Украины в тылу врага летом 1943 года. От партизан Ровенской области».

— Спасибо, товарищ Кизя! Это очень дорогой подарок. Наверное, из всех партизанских соединений не только на Украине, а и в других республиках только вы издаете еще и литературно-художественный журнал. Читают его люди?

— Зачитывают до дыр, — сказал кто-то из командиров. — Если бы журнал имел такой тираж, как наши газеты...

— Нет полиграфической базы, — ответил комиссар Кизя.

— А сколько у вас газет? — поинтересовался Строкач.

— Две областные газеты — «Червоний прапор» на украинском и на польском языках, — сказал редактор «Червоного прапора» Игнат Бесскромный. — В районах издаются подпольными райкомами партии газеты «Червона зірка», «Червоний шлях», «Більшовицька правда», «Син України», «Кармелюк», «Богунець», «Ворошиловець». Наши газеты распространяются также и в Ровно.

— Гауляйтер Эрих Кох тоже читает нашу газету, — пошутил кто-то из партизан.

— Но без энтузиазма, — добавил комиссар. — Потому что, вступая на пост рейхскомиссара Украины, Кох никогда не думал, что на Ровенщине развернется такая партизанская война против оккупантов.

Группа Строкача выезжала в лагерь к Сабурову. Генерал-майор Бегма пригласил гостей поужинать в отряде имени Чапаева: он находился по дороге к сабуровцам. Строкачу надо было остановиться и в этом отряде, чтобы вручить бойцам и командирам правительственные награды.

Настроение у Строкача было неважное. Он думал о вышедших в рейды соединениях, о тревожных донесениях разведки из района Овруча и Мозыря...

Но вот на опушке раздалась музыка. Прибывших встречали трое. Скрипач, высокий мужчина с интеллигентным лицом, сразу же обратил на себя внимание мастерским исполнением. Играл он свободно, с душой. Скрипке вторил аккордеон. Третьим вплетался в боевую мелодию марша бубен.

— Товарищ командир! — обратился Строкач с улыбкой к командиру отряда Василию Кабанову. — Вы что, наняли оркестр в честь нашего приезда?

— Так это ж наше командование вас встречает, как и положено. Скрипач — комиссар отряда Митрофан Зубашев, аккордеонист — начальник штаба отряда Николай Куницкий, который на днях возглавит польский отряд, а на бубне «чешет» мой заместитель Петро Масляк, — доложил Кабанов.

— Виноват, — сказал Строкач. — Я не узнал Куницкого. А кто же это ужин готовит, что так приятно пахнет на весь лес?

— Вечерю готовит партизанка Маруся, то есть моя жена, — ответил Кабанов, переступив с ноги на ногу и покусывая кончик черного уса. — Просим гостей к столу! У нас, конечно, всякое бывает, точнее, многого не бывает. Но сейчас есть. Фашисты из партизанского края ничего не смогли взять. Значит, есть у нас...

— А рыбу к столу подаете не толом глушенную? — вдруг спросил Строкач.

— Нет, товарищ генерал! Толлом наши ребята глушат эшелоны, а рыбу ловим мирными средствами.

— Смотрите. Фашистов прогоним, а рыба, воды — все это народное богатство, и его надо беречь...

— У нас есть одно хозяйство, — вступил в разговор Бегма, — где старый рыбак держит большущих карпов. Приходится ему угощать рыбой и немцев, и националистов. Ловит рыбу он сам, чтобы вражеское лихое око не увидело пудовых маток. «Для Советской власти, для народа берегу рыб!» — сказал он мне по секрету, узнав, что я депутат Верховного Совета и секретарь обкома партии.

Настроение у Строкача улучшилось. Славные люди — опытный, мудрый Бегма, молчаливый и мужественный Федоров-Ровенский, комиссар-скрипач Зубашев, он же и журналист, поляк Куницкий, который среди дня зашел в немецкий ресторан, разоружил двоих офицеров, сидевших там, и реквизировал у музыкантов аккордеон, так как эта вещь очень нужна и партизанам, а не только немцам...

Когда стемнело, десять всадников направились в лагерь генерала Сабурова. Расстояние — 30 километров. Ночь темна. Лесными тропами конников может провести только опытный разведчик. Вот он и едет впереди.

К Строкачу обратился лейтенант Вася Бобырь:

— А не кажется вам, Тимофей Амвросиевич, что ехать такой тропой ночью — преступление? Плохоньякая засада, две-три очереди с автоматов и... все. От наших коней останутся только копыта...

— Ерунда. Это же партизанский край! — ответил Строкач.— Ты же видел, нас даже с музыкой встречают. Слышал, как партизаны говорили, что к Василию Андреевичу Бегме как депутату Верховного Совета ходят на прием избиратели даже из сел, в которых стоят немецкие гарнизоны?.. Это многое значит, дорогой Вася. Это значит, что местные люди верят в Советскую власть даже во время фашистской оккупации. Это тем более много значит, Вася, так как население здесь жило при Советской власти перед войной всего полтора года...

— Я все слышал. И кое-что записал в блокнот.

— Молодец, Василий. Веди дневник исправно, как комиссар Руднев.

— Есть. Буду стараться, товарищ генерал!

— Знаете, сколько мы уже проехали партизанскими тропами за прошедшие дни? — вдруг спросил Бобырь несколько минут спустя и сам ответил: — Сто тридцать восемь километров!

— Какая точность! — засмеялся Строкач.— Ты что, Вася, спидометр вмонтировал лошади на шею?

— Зачем спидометр? У меня есть обыкновенная топографическая карта. С детства люблю путешествовать по карте и вычислять расстояния,— задумчиво ответил Бобырь.

— Сто тридцать восемь километров! Это мало. Надо нам только здесь проехать пятьсот! Да потом еще столько на Черниговщине и в Киевской области. А потом, возможно, и в Черном лесе, в Холодном Яре на Кировоградщине. А, Вася?..

В разговорах и в раздумьях время прошло незаметно.

Всадников Тимофея Строкача встретил патруль. Лагерь сабуровцев еще жужжал как улей. Бойцы

смотрели кинофильм «Парень из нашего города» и теперь расходились в свои отряды, роты.

Ранее утро. У палатки, в которой ночевали Строкач и Коротченко, стоял шалаш, где расположились другие работники ЦК.

В третьей палатке были писатели Анатолий Шиян и Яков Баш, он же офицер штаба по особым поручениям, и лектор Кузьма Дубина.

Строкач очень доволен такими соседями. В тихие вечерние минуты Баш, Дубина и Шиян пели украинские народные песни. Когда не гремит вблизи, Демьян Сергеевич и Тимофей Амвросиевич просят представителей идеологического фронта спеть «Повій, вітре, на Україну» или какую-нибудь запорожскую песню.

Анатолий Шиян часто выступает с лекциями перед партизанами, а кроме этого работает над документальной книгой о партизанах. Есть у него и у лектора Дубины еще и партизанское поручение: написать фашистам письмо в духе письма казаков-запорожцев турецкому султану. Вот они и готовят текст письма «Гітлеру-посіпаці — скаженому собаці». Партизаны будут обсуждать письмо, а потом напечатают отдельной листовкой. Пусть все знают, что советские партизаны не только бьют фашистов оружием, но умеют воевать и шуткой.

Группа генерала Строкача собралась в Сумско-Винницкое соединение, которым командовали Яков Иванович Мельник и Дмитрий Тимофеевич Бурченко, секретарь Винницкого обкома партии. Перед отъездом Строкач позвал старшего лейтенанта Баша, чтобы ознакомиться с добытыми и обработанными

документами. Еще и еще раз приходилось убеждаться в важности информационной службы. По возвращении в Москву нужно создать в штабе отдел информации... Начальником этого отдела мог бы стать Яков Васильевич Баш. У него острое писательское зрение, он умеет видеть незаметное на первый взгляд, что потом оказывается очень существенным.

Через несколько часов конников генерала Строкача встретил партизанский патруль. С партизанами были также командир соединения Мельник и комиссар Бурченко.

Мельник — крепко сложенный, мускулистый человек с правильными чертами лица. Когда он работал в УШПД, поговаривали, что Яков Иванович пишет стихи. Однако Строкачу тогда так и не удалось узнать, какой из ветерана Мельника поэт. Но важно то, что человек влюблен в прекрасное.

Бурченко подтянут, опрятен. У ворота гимнастерки выглядывает снежно-белый подворотничок. Сапоги начищены до блеска. На широком ремне — «вальтер».

Строкач поздоровался с командирами тепло, сердечно, как со старыми друзьями. Да так оно и было. Обоих он провожал полгода назад за линию фронта, Бурченко знал еще до войны, потому что пограничный отряд Строкача дислоцировался в Винницкой области. Встречались в Киеве на съезде Компартии Украины, на пленуме ЦК КП(б)У. Мельника Строкач знал по работе в УШПД в самый тяжелый период, когда советские части отступали с Северного Донца к Волге.

Сумско-Винницкое соединение — молодое формирование, образованное в Хинельских лесах весной 1943 года. Партизаны вместе с соединением Алексея

Федорова осуществили рейд на правый берег Днепра в очень тяжелых условиях: таял лед на реках, в селах и местечках было полно фашистских солдат—отступавшей из Харькова армии. А перед соединением стояла очень сложная и важная задача—выйти к железнодорожным узлам Жмеринка и Казатин.

Обо всем этом говорилось на совещании. Мельник и Бурченко докладывали, что они наметили сделать, чтобы формирование стало маневренным, боеспособным. Долго сидели над картой, изучая и уточняя маршрут рейда, другие детали, связанные с предстоящим заданием.

— Будем учиться у Федорова, Ковпака, Сабурова, у Маликова,—сказал Бурченко.— Очень полезным для нас, командиров молодого соединения, было совещание, проведенное ЦК КП(б)У в апреле. То был настоящий семинар. Много полезного дали нам и вы, товарищ Строкач, как начальник УШПД. Чтобы окончательно поставить точки над *i*, выскажите свое мнение о нашем желании создать большие партизанские формирования во время рейда.

— Этим не надо увлекаться,—ответил Строкач.— Главная задача нашего роста—это создание новых отрядов в новых районах. Большое соединение не всегда желательно, в рейде особенно. Ведь вам придется вести бои на большом расстоянии от баз. Погоня за количеством бойцов может рождать «иждивенцев». Не обещайте людям оружие, а говорите им, чтобы они сами добывали его, если хотят быть настоящими бойцами! Больше смелости. Надо, чтобы захватчики боялись партизан. А для этого необходимо, чтобы наши отряды, группы всегда первыми видели противника, имели хорошую агентурную разведку. На большие гарнизоны вести наступление не стоит,

как не надо в нынешний период захватывать райцентры. Все главные силы надо бросить на коммуникации противника, уничтожать эшелоны и автоколонны. Налаживать крепкие связи с населением. Дисциплина в отрядах должна быть высокой... И еще. Во время рейда поддерживайте связь с Ковпаком. В таком сложном походе надо чувствовать локоть соседа! — предупредил Строкач Мельника и Бурченко.

— Нам бы батальонных минометов, — попросил Бурченко.

— Получите минометы. Сегодня самолеты должны доставить еще военные грузы.

— Хорошо. Завтра мы с Яковом Ивановичем подскочим на аэродром, — обрадовался Бурченко.

— Будем ковать железо, пока горячо! — добавил Мельник.

Один за другим отправлялись на выполнение боевых заданий Ставки Главнокомандования украинские партизанские соединения, отряды, диверсионные группы, дислоцировавшиеся до недавнего времени в северных районах Житомирской и Ровенской областей.

Строкач познакомился со словацкими партизанами, их командиром Яном Налепкой, в прошлом учителем, выпускником офицерской школы. В недавнем бою отряд словацких партизан уничтожил пять грузовиков с фашистскими солдатами.

— Хорошо, что вы воюете на стороне советских партизан и помогаете нам бить врага. Придет время, и украинские партизаны появятся на чехословацкой земле, чтобы помочь Красной Армии и вашим землякам изгнать с Карпат, Высоких Татр, из ваших до-

лин фашистскую нечисть. Советские партизаны в долгу не останутся.

— За нами дело не станет. А когда будете формировать отряды на мою родину, товарищ генерал-майор, не забудьте о нашем отряде и обо мне тоже. Мы еще посчитаемся с фашистами!

— Не забуду. Вот моя рука!

Состоялось совещание и в Молдавском соединении, которым командовал И. И. Андреев. И здесь Строкач вручил партизанам и командирам правительственные награды. И здесь была поставлена задача идти соединению на юг.

Возвращались в лагерь сабуровцев поздним вечером.

Лес вдруг тревожно зашумел. Ветки деревьев начали хлестать конников по плечам, по лицу. Зафыркал конь под Строкачем. В небе зигзагами вспыхнули молнии. Раздался гром. Несколько минут спустя хлынул, как из ведра, дождь.

— Не я говорил,— пробурчал Бобырь,— что надо было остаться ночевать у молдаван...

— Штабные бумаги не промочите? — спросил Строкач у Баша.

— Сумка надежная. А самого — хоть выкрути!

— Ничего, хлопцы! Скоро лагерь,— успокаивал Строкач.— Там обогреемся, высушимся...

— Как раз обогреемся! — снова подал голос Вася Бобырь.

— Если бы я знал, что ты такой, Вася, хныкало, не взял бы с собой в немецкий тыл. И даже не взял бы в штаб!

Бобырь замолчал. Но он оказался правым. Хижина, которую разыскали разведчики строкачевой группы среди лесных джунглей, не могла укрыть

путников. Хата среди дикой природы была словно из сказки, на «куриных лапках». Сквозь дырявую крышу вода лилась ручьями.

Строкач лег рядом с Бобырем.

— Не послушали меня, не остались у молдаван, — бубнил вполголоса Вася Бобырь.

Но вскоре притих и уснул крепким сном, пригревшись у плеча генерала. Тимофей Амвросиевич укрыл парня парашютом.

В лагере Сабурова разведка сообщила, что большие силы карателей с каждым днем приближаются к партизанскому аэродрому. Было бы странно, если бы противник не заметил советских самолетов. Пилоты Валентины Гризодубовой порядочно на шумели во вражеском тылу. Каждую ночь к партизанам прилетало по 10—12 машин, часть их сразу же летела назад через фронт, а часть самолетов оставалась на лугу замаскированная ветками, сеном.

В прямой зависимости от полетов партизанской авиации увеличивались и немецкие гарнизоны вокруг партизанской зоны на севере Украины. Если в апреле в Коростене было 3000 фашистских солдат, в Олевске — 600, в Новоград-Волынке — 500, Овруче — 250, то в июне в Коростене было 11 500, Олевске — 3500, Новоград-Волынке — 8600, в Овруче — 10 000, в Ровно — 10 000, в Житомире — 15 000, в Сарнах — 2000. Всего фашисты сосредоточили с юга против четырехугольника Коростень—Сарны—Столин—Мозырь 60 000 солдат. Немного меньше их было со стороны Белоруссии, с севера.

В конце июня Строкач получил из Украинского штаба партизанского движения от начальника оперативного отдела сообщение о том, что против партизанских отрядов в Черниговской области послано

также войско в 40 000 солдат. Приблизительно столько же карателей выступило против партизан и в Сумской области, в Брянском лесу, который являлся близким тылом немецко-фашистских позиций на Курском выступе, где готовилась операция «Цитадель». Война против партизан с применением тактики «выжженной земли», «мертвой зоны» еще не проводилась гитлеровцами в таких широких масштабах. На этот раз в ней должна была принять участие почти 130-тысячная армия, вооруженная до зубов.

Наступление фашистских войск против партизан в июне 1943 года было продумано заблаговременно. Теперь уже не только командиры, но и каждый партизан поняли провокационную сущность фашистской листовки, призывавшей не действовать весной и летом, а собираться в большие отряды и «ждать приказа командующего армией прорыва». Большие потери понесли отряды, дислоцировавшиеся в Сумской, Курской и Орловской областях. Карательные операции противника показали, что крупное соединение партизан не в состоянии продержаться долго в оборонительном бою против регулярного войска. Спасение — в движении. Только подвижные и негромоздкие отряды способны не только оторваться от противника, но и наносить ему внезапные удары во время карательной экспедиции.

Читая донесения разведчиков и телеграммы из УШПД, Строкач все же был доволен, что из партизанской зоны уже вышли на юг и юго-запад Украины почти все соединения и отряды. Так что немецкие карательные войска опоздали завязать узел «партизанского мешка». Оставалось здесь только соединение Сабурова.

Хотя и сгущались грозовые тучи, Коротченко и

Строкач продолжали свои поездки по отрядам. Прибыли они и в Житомирское соединение, которым командовал бывший начальник материально-технического отдела УШПД Степан Маликов. Его группа приземлилась на Житомирщине в ноябре 1942 и к июню следующего года выросла в многочисленный партизанский отряд. Хорошо работали минеры этого соединения на железнодорожных ветках Коростенского узла.

Представители Украинского штаба побывали в Киевском соединении Ивана Хитриченко, посетили партизан Героя Советского Союза генерал-майора М. И. Наумова, который в эти дни был в Москве. Строкач разговаривал с начальником штаба Мельником, обсудил с ним все необходимые вопросы.

В лагерь Сабурова возвратились на третий день.

Утром партизан разбудил рев моторов. Два немецких самолета пролетели над самым лагерем. Поступило сообщение, что на севере, в местечко Лельчицы, вступили каратели.

С юга от Маликова пришло письмо: «Товарищ Демьян (Д. С. Коротченко) просил меня приехать к Собитову (Сабурову) для переговоров. Никак не могу. Не позволяют обстоятельства. Мы, к сожалению, не очень знаем, что творится на вашем, северном фланге. Но у нас уже началось... Прилагаем все усилия, чтобы пройти мимо их колонн и расположений, чтобы оказаться в их тылу, в том же районе, где мы и были к началу карательной экспедиции. Костров не зажигаем. Разговариваем шепотом. А вот лошади не понимают. Приходится прощать им это. Маликов. 23/VI 1943 г.»

Прошло несколько дождливых дней. Ночами партизаны Сабурова все же принимали грузы с Боль-

шой земли, а днем группа генерала Строкача снаряжала отряды в районы действий согласно плану, утвержденному Ставкой.

Войска карателей все ближе и ближе подходили к сабуровскому лагерю, пытаясь навязать партизанам бой. Фашисты ожидали от сабуровцев открытого боя. Но партизаны знали о заслонах и пытались вырваться из окружения.

Т. А. Строкач и Д. С. Коротченко с несколькими товарищами должны были улететь последним рейсом. Но аэродром захватили каратели. Пришлось возвратиться в партизанский отряд. Лагеря уже не было. Сабуровское соединение вышло в поход, избегая открытого боя с многотысячной армией карателей. Коротченко и Строкач присоединились к колонне.

Невдалеке гремели артиллерийские залпы. Партизан непрерывно сопровождала вражеская авиация, сбрасывая бомбы на обоз, на пешие колонны. Пришлось свернуть на лесные тропы, очень трудные и для людей, и для лошадей.

По колонне объявили привал. И снова — бесконечная, тяжелая и тревожная дорога. Ночь — темень темная. Бесперывно льет дождь. Ехать подводами почти невозможно. Строкачу жаль было смотреть на лошадей, тащивших в этом болоте повозки. Снова передышка. Лошадей пустили на пастбище.

От усталости ныли ноги. Строкач лег на ветки и положил под голову кулак. 27 июня. Через две недели дочке исполнится пятнадцать. Доведется ли к этому времени попасть в Москву?..

Утром вышли. Бездорожье. Колонну повели местные крестьяне. Но снова обоз обнаружили вражеские самолеты. Минут десять они кружили над

партизанами, обстреливая их из пулеметов, сбрасывая бомбы.

Тяжеловато с обозом в таких ситуациях. Это понимают теперь все партизанские командиры...

В тот же день, 28 июня, удалось связаться с киевскими отрядами Хитриченко, Чепурного, Покровского и с соединением генерала Наумова. Все эти отряды остались в тылу вражеских карателей.

Очень сыро. В грязи увязают повозки. Наконец вышли на дорогу. Курить разрешено только в кулак. Недалеко село. Вдруг раздался взрыв, будто выстрел зенитки. Возможно, это сигнал для карателей. Но нет. Тишина. Вдоль партизанской колонны, растянувшейся на 5 километров, мчат связные.

— Что случилось? — спросил Строкач у всадника.

— Воз наскочил на мину...

Пошли дальше. Рядом со Строкачем идет Коротченко. Он очень устал, но не подает виду, потому что усталость одолевает всех бойцов. Положив руку на плечо идущего впереди товарища, многие спят на ходу.

— Товарищ Дубина! — окликнул Коротченко лектора. — Проснитесь, а то упадете в лужу!

— Я не сплю, Демьян Сергеевич! Я дремлю и думаю думаю, — и Дубина сладко зевнул.

— О диссертации думает, — пошутил Анатолий Шиян.

— Нет. Я думаю о том, что где-то существует койка, белая простынь и подушка...

Разговоры умолкли. Стало слышно, как чавкают сапоги по раскисшей дороге.

Строкач вел лошадь в поводу и думал: «Ему тоже, сердечному, нелегко, хотя он и конь!..»

И 29 июня весь день шел дождь. Все промокли до

нитки, а костров разжигать нельзя. Вражеские самолеты-разведчики не прекращали полетов даже в непогоду. Недалеко от цепочки партизан «юнкерсы» сбросили около 20 бомб весом по 250 килограммов.

Командиры отрядов докладывали Строкачу и Коротченко обстановку. С четырех сторон соединение Сабурова окружено вражеским войском. Вот это и есть «мокрый мешок»...

Пришло сообщение от Маликова. Его соединение ушло от карателей. А соединение Сабурова спаслось только тем, что заслоны в 50—60 человек самоотверженно сдерживали обнаглевших карателей. Только группа командира Лаборева и политрука Ф. Е. Сокоренко сожгла 30 автомашин противника, подбила три танка, легковую машину, завалила лес на полутора километрах, истребила 500 гитлеровцев, уничтожила семь мостов, наведенных фашистскими саперами для переправы. Группа Смирнова из засады у дороги между хуторами Вилия и Блужки, где партизаны ожидали самолет, сожгла четыре грузовика и 70 карателей. Ударные группы воевали здорово и за себя, и за все соединение!..

Уже пришли вести о том, что ушедшие в рейд отряды и соединения славно воюют. А это очень важно.

Наконец посчастливилось принять самолет. Из самолета бравою походкой вышел генерал-майор М. И. Наумов, пожал руку Строкачу и сказал:

— В самый раз прибыл. В разгаре прочесывание лесов...

В боевой обстановке Михаил Иванович всегда старался нагнать страх на противника, и немцы в своих донесениях часто преувеличивали силы генерала в десятки раз. Военное образование он получил в Высшей школе пограничников. В феврале 1943 года ка-

питан Наумов согласился возглавить рейдовый отряд и прошел из Сумской области через лесостепную полосу и через Днепр в степные районы Кировоградской области. За этот рейд ему было присвоено звание Героя Советского Союза и воинское звание генерал-майора.

Строкач крепко пожал Наумову руку. Простились с Сабуровым, комиссаром Богатырем.

— Хлопцы, не очень топчите жито! Через три недели рожь будут косить. Есть надо и этой осенью, и о семенах нужно побеспокоиться! — напомнил Строкач бойцам, шагавшим по ржи.

Самолет поднялся над полем, взмывая в небо. На земле партизаны машут шапками...

В районе Гомеля начали стрелять зенитки. Прошел час, второй. Строкач зашел в кабину пилотов.

— Как тут у вас? — спросил Строкач у командира корабля Б. Г. Лунца.

Лунц показал на небо.

— Похоже, что утренняя заря, — сказал Строкач.

— Нет. Это горит земля, товарищ генерал! Я вызывал Москву, чтобы дали нам «ворота», а Москва не отвечает. Между Белгородом и Орлом началось сражение. Вот что значит эта заря... В эфире тысячи голосов — немецких и наших летчиков.

Облака, все небо были подсвечены огромным пламенем с земли. Внизу горели поля, полыхали танки.

Они летели в исторические минуты. Это было начало сражения на Курской дуге между армиями гитлеровской Германии и советскими войсками. Началась битва, в ходе которой должны были сказать свое слово и партизанские отряды и соединения, ибо действия партизан были частью общего плана Верховного Главнокомандования. Эта битва была началом

освобождения Советской Украины от немецко-фашистских захватчиков, она открывала путь Красной Армии к Днепру, к Киеву и дальше — на Варшаву, Будапешт, Прагу, Берлин. Это был путь к окончательной победе над фашистской Германией.

Фронтovou полосу, где клокотала ожесточенная битва, самолет миновал благополучно.

Взошло солнце. Оно светило Строкачу прямо в лицо через иллюминатор. Это восходило солнце свободы над Украиной, над Белоруссией, над всей многострадальной Европой.

У Днепровских круч

Битва на Курской дуге не только сорвала план немецкого летнего наступления, но и поставила Германию перед катастрофой. Были исчерпаны многие резервы, и гитлеровское командование вынуждено было перейти к стратегической обороне.

Во всеоружии встретили великую битву партизанские отряды Украины, усилив удары по вражеским коммуникациям.

В Украинский штаб партизанского движения ежедневно поступали десятки телеграмм о боевой работе партизан. Генерал-майор Федоров сообщал:

«Железные дороги Ковель — Сарны, Ковель — Брест, Брест — Пинск полностью парализованы. Колеи Ковель — Холм, Ковель — Ровно парализованы частично. Этих результатов добились благодаря повседневной помощи Центрального Комитета партии и Украинского штаба партизанского движения».

Полковник Старинов писал, что успехи подрыв-

ников в июле — августе 1943 года «открыли новый этап в действиях на коммуникациях врага, которые сильно охраняются», что удары партизан соединения А. Ф. Федорова имеют большое значение. «В ближайшее время мы будем иметь возможность доказать, что в действительности наши успехи были большими», чем передавалось в отчетах. «Уже и теперь из сведений пленных ясно, что для переброски войск из Гамбурга к Харькову противнику приходится пользоваться румынской дорогой, то есть удлинять путь на тысячу километров...»

Хорошие боевые вести приходили из соединений Бегмы, Федорова-Ровенского, Маликова, Грабчака, партизаны которых контролировали узловые станции Сарны, Коростень, Олевск. Выполняя обязательство пустить под откос по одному эшелону на каждого партизана, минеры Героя Советского Союза Василия Яремчука летом и осенью 1943 года подорвали 48 вражеских эшелонов на различных дорогах Западной Украины. Если учесть еще и 12 эшелонов, уничтоженных Яремчуком в 1941—1942 годах, то обязательство было близким к выполнению.

А вот еще одна радиограмма: «...мост через Уборть бомбардировали. Грабчак». Сколько скромности в этом рапорте об одной из самых дерзких диверсионных партизанских операций времен Великой Отечественной войны! Бывший пограничник Андрей Грабчак, командир соединения, выросшего из группы парашютистов до 1100 бойцов, которое уничтожило более 100 эшелонов за лето и осень 1943 года, был талантливым минером, изобретателем. Грабчак сконструировал «адскую машину», которую партизаны называли еще и «торпедой», и пустил ее на стратегически важный мост под Олевском. Этот объект охра-

нялся зенитной батареей, четырьмя дзотами, пулеметными точками и тремя полковыми минометами. Высокая насыпь и открытая местность позволяли противнику вести круговой обстрел. Дно реки и берега были заминированы. Заминированная зона была обнесена колючей проволокой в четыре ряда. Путь ночью перекрывали металлическими воротами.

Партизанские разведчики заметили, что два раза в неделю под вечер, а точнее, в восемь часов вечера на мост приезжала дрезина железнодорожного коменданта, который проверял, как служат охранники, и заодно отведывал свежей рыбки. Этой детали было достаточно, чтобы Андрей Грабчак выработал план операции. Партизаны должны построить платформу с двигателем от трактора ХТЗ. Платформа будет нагружена снарядами, авиабомбами, ящиками с толом. Чеку взрывателя от мины соединят с верхним концом жерди, установленной на платформе. Впереди прикрепят фонарь и два чучела — «коменданта» и «моториста». «Торпеда» помчит к мосту. Охрана откроет ворота своему «начальству». Конец пятиметровой жерди ударится о верхнюю ферму моста и выдернет предохранительную чеку капсуля...

Две недели упорной работы, в которой был занят весь отряд, мастеровые, вся тяговая сила — лошади и быки, доставлявшие из глубины леса к железнодорожному полотну детали «торпеды». Все было сделано согласно плану. И вечером 30 октября 1943 года прогремел взрыв. Мост перестал действовать до самого прихода Красной Армии. Немцам приходилось разгружать вагоны на западном берегу, а потом переправлять их на левый берег, куда подходили эшелоны с востока. Немцы объясняли по инстанциям, что «торпеда» была доставлена из Москвы и управ-

лялась «смертниками», которые погибли, выведя «заряд» на мост...

Тимофей Амвросиевич от всей души радовался успехам Андрея Грабчака, которого знал еще по службе на западной границе. За уничтожение моста через Уборть Строкач представил Андрея Михайловича Грабчака к званию Героя Советского Союза.

В битве на рельсах было много оригинального в почерках партизанских диверсантов. В южных районах Украины партизаны широко использовали маломагнитные мины в борьбе с эшелонами, особенно с теми, которые подвозили из Румынии горючее. Отряды и диверсионные группы, действовавшие в полосе Южного фронта, как сообщал подполковник П. А. Метелев, представитель УШПД на этом фронте, в августе — октябре 1943 года пустили под откос 42 вражеских эшелона и взорвали три железнодорожных моста. Подготовленные полковником А. Н. Асмоловым группы и отряды от Юго-Западного фронта за это же время подорвали 95 воинских эшелонов, уничтожив 5800 вражеских солдат и офицеров.

Только с 1 апреля по 30 июня 1943 года партизаны Украины организовали крушение 358 вражеских поездов, уничтожили 76 мостов. В июле — сентябре было подорвано 1528 вражеских эшелонов с техникой, снаряжением и живой силой, 114 железнодорожных и шоссейных мостов.

Это была большая помощь украинских партизан наступавшей Красной Армии, это была настоящая битва на рельсах.

В телеграммах в партизанские отряды генерал Строкач всегда напоминал командирам: «Отличившихся представить к наградам». Он никогда не забывал о людях. Так было на границе в первую неделю

войны, когда он представил к наградам сотни пограничников. Так было в тяжелые дни обороны Киева, когда он представил к правительственным наградам сотни партизан первых отрядов 1941 года. Так поступал Строкач и сейчас, будучи начальником Украинского штаба партизанского движения. Но представить — это еще не все. И Тимофей Амвросиевич считал дело законченным лишь тогда, когда представленному им человеку вручали заслуженную награду.

Только из соединения генерала А. Ф. Федорова Героями Советского Союза стали минеры Всеволод Клоков, Владимир Павлов, Владимир Бондаренко, Иван Цимбалист, Борис Калач, Федор Кравченко, Петр Марков и Алексей Егоров.

23 августа был освобожден Харьков. Войска Воронежского, Степного, Юго-Западного и Южного фронтов начали изгнание гитлеровских войск с Левобережной Украины. Гитлеровцы приступили к сооружению «восточного вала» — стратегического оборонного рубежа от Балтийского моря до Черного по линии: река Нарва — Псков — Витебск — Орша — река Сож — среднее течение Днепра — река Молочная.

За этим «валом» противник и собирался отсидеться. Особенно большие надежды враг возлагал на широкий Днепр с его крутым правым берегом. Во многих директивах фашистское командование требовало от своих войск, чтобы они этот природный рубеж защищали как «порог собственного дома». Гитлеровские генералы были убеждены, что летом и осенью советские войска не осмелятся переправить на правый берег танки, тяжелую артиллерию, будут ждать

зимы. Нацистская армия выиграет время, передохнет за высокими днепровскими кручами. Генерал Раух хвастливо предрекал: «Пусть русские войска сосредоточатся у Днепра, пусть затеют переправу, пусть даже высадутся на правый берег. Отсюда, из Запорожья, мы ударим по их коммуникациям и переправам, и наши правобережные части сбросят русских в Днепр...» Многие вражеские подразделения, дислоцировавшиеся на Днепре, получили теплые наушники на зиму, в блиндажах и дзотах были установлены печки. В Запорожье приехал Гитлер, чтобы поднять дух армии и уточнить военные планы...

Наступавшим к Днепру нашим войскам противостояла довольно сильная группировка немецких войск, в состав которой входила 2-я армия из группы «Центр», 1-я и 4-я танковые армии, 6-я и 8-я армии из группы «Юг». Всего у противника здесь было 1 миллион 240 тысяч солдат и офицеров, свыше 12 тысяч орудий и минометов, более 2 тысяч танков, до 2 тысяч самолетов. Советские войска имели незначительный перевес, а именно: в живой силе — в 2,1 раза, в танках — в 1,1, в самолетах — в 1,4 и только в орудиях и минометах — в 4 раза.

Эти данные говорят о том, что советское командование предвидело трудности, связанные с форсированием Днепра. В практическом осуществлении этой сложной операции большую роль должны были снова сыграть украинские партизанские отряды и соединения. К осени 1943 года уже был значительный опыт боевого взаимодействия партизанских отрядов с частями Красной Армии.

В конце августа генерал-майор Строкач с группой работников штаба и радиоузлом передислоцировался на Украину, в боевые порядки Воронежского фронта.

В эти дни Строкач напряженно думал о наиболее эффективной помощи партизанских соединений, отрядов и групп в битве советских войск за Днепр. Так, в начале сентября родился «План захвата партизанскими отрядами Украины переправ через реки Днепр, Десна, Припять». План нацеливал партизанские отряды и соединения на оказание помощи Красной Армии во время форсирования Днепра. Перед партизанскими отрядами И. М. Бовкуна, Ю. О. Збанацкого, Н. М. Таранущенко, А. С. Ярового, В. П. Чепиги, А. Е. Кривца, дислоцировавшихся севернее Киева, была поставлена задача захватить переправы на Десне и Днепре и удерживать их до прихода передовых частей Красной Армии. Киевскому соединению И. А. Хитриченко, действовавшему на правом берегу Днепра, поручалось захватить переправу у Сваромье. К Днепровской операции было привлечено 17 тысяч партизан и много тысяч местного населения.

Организацию разведки на переправах, захват этих переправ и оборону их командиры соединения должны были осуществлять самостоятельно, исходя из обстановки и руководствуясь сигналом начала боевой операции. Украинский штаб определил сроки захвата переправ с 23 сентября по 7 октября 1943 года. 15 сентября ЦК КП(б)У послал всем командирам и комиссарам отрядов радиogramму-молнию, в которой говорилось: «Красная Армия успешно ведет наступление на всех фронтах. Настало время, когда партизаны Украины должны оказать еще бóльшую непосредственную помощь Красной Армии в окончательном разгроме немецких оккупантов. В самые ближайшие дни вы получите от УШПД указание о выполнении задач Главнокомандования. ЦК КП(б)У уверен, что вы, партизаны и партизанки ваших соединений, выполните эту задачу с честью...»

Строкач возвращался на автомашине в свой штаб. Попутчиком его был инженер-капитан Яков Кравчук из отдела полковника Старинова. Места были знакомы Строкачу. Два года назад, в такие же теплые сентябрьские дни, здесь, у Барышевки, вели ожесточенные бои с фашистами чекисты сводного полка НКВД. На этих полях, на этих дорогах погибли сотни боевых товарищей. Но что это?.. Почему траншеи сорок первого года засыпаны свежей землей?..

Строкач и Кравчук остановили машины и пошли на поле к траншеям. То в одном, то в другом месте из-под земли торчали руки, ноги. Очевидно, в траншеях были закопаны расстрелянные фашистскими извергами мирные жители.

— Позапрошлой осенью мы прорывались здесь из кольца... Очень много погибло красноармейцев и чекистов из сводного полка. Но люди гибли в тяжелом, неравном бою, в штыковой атаке. Это было понятно. Бой. Война. А почему погибли вот эти мирные люди?.. Только потому, что они — советские. Это и есть война Гитлера против всего нашего народа. На это способен только фашизм, только варвары...

Они въехали в село, в котором были сожжены почти все хаты и даже сарай. Пепелище было и там, где стояла когда-то церковь.

— Кажется, это Пески... — сказал Строкач, разглядывая обожженные руины. — Да. Это село, где родился Павло Тычина. Здесь вырос командир партизанского отряда Александр Кривец. Да, фашисты — гроссмастера уничтожать. Тактика «выжженной земли», «мертвой зоны» — в действии... И разве только на Черниговщине, на Сумщине, на Киевщине фашисты сжигают села, убивают крестьян?.. Из Карпатского рейда ковпаковцы передали мне один документ.

Вот, прочтите...— достал Строкач из полевой сумки напечатанные на машинке листки.

Кравчук стал читать, и по мере чтения лицо его словно каменело:

«...Немецкие солдаты в мундирах и стальных шлемах вошли в село Белые Ославы... В это время в селе не было партизан. Отдельные группы вооруженных немцев приходили во дворы и хаты местных ославских крестьян, искали партизан и тут же выводили мужчин, попадавших им в руки. Их расстреливали перед хатами, во дворе, под деревом, у пруда, на огородах. Немцы не требовали никаких объяснений и никого не допрашивали.

Прилагаем показания нескольких свидетелей.

Параска Чуревич, вдова расстрелянного Федора Чуревича из Белых Ослав, украинка, 1908 г., живет в Ославах, дом 407, показывает:

«В среду 4 августа 1943 года, когда партизаны вышли из села, мы были всей семьей в хате. Муж Федор, я и наши дети. Кроме нас была соседская девушка Параска Гринюк, дочь Петра. В 10 часов утра пришли во двор двое немцев... Когда мы вышли из хаты, немцы, не сказав ни слова, застрелили моего мужа Федора. Я с детьми — Явдохой и Василиной — бросилась в хату. Василина от страха спряталась под лавку, а Явдоха с Параской Гринюк стали прятаться под постель. Вошел в хату немец и застрелил возле меня дочь Василину под лавкой. Стрелял и в меня и тяжело ранил. Я не двигалась, и он уже не стрелял, думал, что я мертвая. Потом подошел к постели и застрелил мою вторую дочь Явдоху. Дочке соседа Параске Гринюк прострелил лицо, нос и правую руку, но не убил. За что застрелили мужа, двоих детей, за что тяжело ранили меня и Параску Гринюк, не знаю...»

Свидетельствует Ганна Стефанюк, как убили ее мужа и соседа Миколу Дячука. Ганна Стефанюк осталась с четырьмя малыми детьми.

«Лицо моего мужа изувечили,— читал Кравчук показания Ганны Стефанюк,— плечи и живот прострелены, глаз выколот штыком, два пальца на левой руке отрезаны, один палец сломан, правое бедро пробито штыком. За что убили, за что мучили старого, который много отдал немцам ржи, скота, молока, я не знаю...»

«...Без всяких причин, без всякого следствия немцы расстреляли 70 человек местных украинских крестьян,— говорилось в отчете.— Во многих хозяйствах пропадает жнивье, сбор хлеба и сена, потому что убиты рабочие руки.

Подписали: председатель украинского поселкового комитета в Делятине и священник Белых Ослав вместе с местным начальником громады, совсем безутешные против этого страшного факта, который решительно невозможно ни объяснить, ни оправдать. Делятин, дня 19 августа 1943 года.

Михайло Лейбюк, начальник громады Белые Ославы.

Отец Пилипец Владимир, голова УПК Делятина».

— Это были именно эсэсовцы из 4-го и 13-го полков СС, прибывшие уничтожить соединение Ковпака — Руднева под Делятином,— проговорил Строкач, когда Кравчук дочитал последнюю страницу.— Ненависть гитлеровцев к советским людям, к украинскому населению в западных областях Украины — вот причина такой жестокости. И об этом стоит задуматься тем националистам, которые считали Гитлера своим союзником и ожидали от него «самостийной Украи-

ны». В Делятине они могли убедиться, что несет Гитлер и фашизм украинскому народу.

Вести, присланные ковпаковцами в последние дни, тяжелым камнем лежали на сердце Строкача. В августе 1943 года под Делятином был убит партизанский комиссар Семен Васильевич Руднев. Рядом с ним погиб и его сын Радик. Строкачу казалось, что их обоих можно было как-то спасти. «Надо было их удержать, не пускать в неравный и смертельный бой с карателями! Ведь почти все командиры остались живы, а Руднева нет!..» — с горечью думал Строкач.

Машина ехала по сожженному селу, и Тимофею Амвросиевичу вдруг почудился голос дочери. Словно воочию увидел он Люду, услышал, как читает она стихи Павла Тычины:

На майдані коло церкви
революція іде.
— Хай чабан! — усі гукнули,—
за отамана буде...

«О революции на этой площади у церкви писал поэт... А фашистские солдаты, носящие ремни с пряжками, на которых написано «С нами бог», согнали селян в церковь и зажгли ее, а перед церковью людей расстреляли, выложили пятиконечную звезду из трупов, облили их бензином и сожгли...»

Тяжелой выдалась эта поездка по знакомым с сорок первого года местам. Генерал Строкач остановил машину в селе Ракитном у места, где была хата Стригунов. Осенью сорок первого он заходил сюда с местными подпольщиками и группой чекистов, вырывавшихся из окружения. Здесь они завтракали, хозяйка принесла ему откуда-то пальто. Теперь хаты нет. В высоком бурьяне тоскливо посвистывает ветер.

Чуть дальше, в осиротевшем садике, бродит девушка в старенькой одежде, босая. Она подошла ближе и удивленно уставилась на генерала.

— Вы? Товарищу депутат?

Строкач тоже узнал ее.

— Ты дочь Гаврилы Ильича и Евдокии Афанасьевны? Тебя, кажется, Наташей зовут?

— Наталка Стригун.

— Выросла. А где же мать, отец?..

— Тата як подпольщика забрали в Новую Басань, а потом в гестапо, в Нежин. Нема тепер тата...— проговорила девушка, глотая слезы.

— А мама?..

— Мама спаслись. Вони зараз придуть...

Подошла Евдокия Афанасьевна. Когда-то стройная, она словно согнулась от горя. Женщина долго молчала, глядя в глаза Строкачу, будто припоминая что-то, а потом сказала:

— Мы верили, что вы вернетесь. А многих наших уже нет в живых. Погиб и мой Гаврила. Помните председателя сельсовета Дмитрия Ревецкого? Он политрук в партизанском отряде Кривца. А тут оставалась тетка Кривца Оксана Николаевна Ерепа — пальто тогда она вам дала. Вот за то, что мы советские люди, проклятые фашисты и сожгли наше село...

— Я не забуду вас всех! — поцеловал руку женщины генерал.

Молча выехали из села. Первым заговорил Строкач:

— Эти люди спасли мне жизнь... Чем смогу, буду им помогать. Сейчас некоторые партизанские командиры дискутируют, кого вносить в списки партизан... А кто внесет в список Евдокию Стригун? Ее мужа, замученного в гестапо? Сколько таких Стригунов в

каждом селе, каждом городе?.. Это значит, что против оккупантов поднялся весь народ, которого никогда и никакая сила в мире не сможет поработить!..

К двадцатым числам сентября Центральный, Воронежский, Степной и Юго-Западный фронты вышли к среднему течению Днепра на протяжении 700 километров — от Лоева к Запорожью, а войска Южного фронта — к реке Молочной. В связи с этим план захвата партизанами переправ подвергся некоторым изменениям. При Военном совете Воронежского фронта была создана оперативная группа из 15 работников Украинского штаба партизанского движения во главе со Строкачем. Группа уточнила «План».

Партизанские соединения «За Родину» под командованием И. М. Бовкуна, имени Щорса Ю. О. Збанацкого и имени Коцюбинского Н. М. Таранущенко помогли передовым частям беспрепятственно форсировать Десну и подойти к Днепру севернее Киева.

Потом отряды Юрия Збанацкого сосредоточили главные усилия на переправах через Днепр у сел Навозы, Сивки и Сорокошичи. О действиях соединения имени Щорса во время форсирования Днепра в УШПД стало известно из радиограммы: «Соединение организовало у сел Сивки, Навозы переправу для частей Красной Армии через Днепр. Переправа обороняется. Ведем бои с противником. Ждем указаний. Збанацкий».

Черниговское соединение под командованием капитана Ивана Бовкуна силами трех партизанских полков обеспечило три переправы на Десне и захватило очень важный плацдарм у сел Теремцы и Домантов на правом берегу Днепра.

Фашисты не ожидали такого внезапного вторжения с тыла. Согласно их сведениям, партизанские отряды уничтожены и рассеяны еще перед битвой на Курской дуге во время крупных карательных операций. Но партизаны врываются в укрепления на правом берегу Днепра. Кто бы мог подумать?.. Немецкое командование спешно бросает на соединение «За Родину» большие силы пехоты, танки. Бомбить партизанские позиции прилетают 50 самолетов.

В том тяжелом бою было уничтожено немало фашистов, но и партизан полегло немало. Только не отступили партизаны. Выстояли. Отстояли плацдарм.

С боем форсировав Припять, партизаны 1-го полка (командир И. Шеверев) заняли оборону у сел Аташев, Крутняков и в жестоких боях удерживали ее, пока через реку не переправились части 70-й и 322-й стрелковых дивизий. Возле сел Штемиц и Клитовцы закрепились партизаны 2-го полка (командир Н. Симоненко), обеспечив переправу советских войск в районе Чернобыля.

От имени воинской части капитан Соловьев написал командиру 2-го полка Н. Симоненко и комиссару Е. Хахуде: «Идя с боями на запад, мы встретили на своем пути организованную силу партизан соединения «За Родину», которые своими действиями способствовали быстрому форсированию Десны и Днепра частями дивизии...»

И еще радиограмма: «Украинский штаб партизанского движения. Товарищу Строкачу. Через Десну и Днепр соединение «За Родину» полностью обеспечило переправу боевых частей 17-го стрелкового корпуса. Генерал-лейтенант Бондарев».

Радиограмма начальника УШПД Строкача: «Товарищу Бовкуну. Поздравляю партизан и партизанок

вашего соединения выполнением исключительно важного боевого задания, поставленного Ставкой перед украинскими партизанами — захвата переправ для перехода Красной Армии на правый берег Днепра...»

В боях за Новошепеличи на Припяти отряды под командованием ветеранов-партизан В. С. Ушакова и комиссара В. Г. Волкова одержали крупную победу. Это соединение взаимодействовало с отрядами Киевского соединения под командованием Хитриченко, Покровского и комиссара Чепурного. Армейское командование высоко оценило боевые действия партизан в этом районе, передав радиogramму в ЦК КП(б)У и УШПД:

«Сообщаю, что партизаны Киевской области, где командир Покровский, комиссар Чепурной, командиром Ушаков, комиссаром Волков, под общим руководством УШПД до прихода наших частей заняли с боем райцентр Новошепеличи, а также построили своими силами мост через Припять, два паромы, подготовили 50 лодок. Эти мероприятия обеспечили переправу частям 15-го стрелкового корпуса. Оборону переправ и безопасность в этом районе обеспечивали партизаны.

Заместитель командира 15-го стрелкового корпуса Иванов»...

В течение 20—22 сентября 1943 года, уничтожая фашистов у Днепра, Десны и Припяти, партизанские отряды захватили более чем в 20 местах переправы через эти три реки. И не только захватили. Партизанские отряды удержали почти все переправы до прихода частей Красной Армии.

Украинские партизаны участвовали в боях за плацдармы на правом берегу Днепра в районе Пере-

яслава и дальше на юг по течению реки у села Мишурин Рог, где был образован еще один важный плацдарм, у Домоткани и Аулы, севернее Днепро-дзержинска, у сел Лоцманска и Войсковое, южнее Днепропетровска.

Партизаны Украины передали Красной Армии 25 переправ через одну из самых больших рек Европы, за берегами которой гитлеровские стратеги пытались отсидеться до лучших времен.

В октябре 1943 года крупный армейский десант на правом берегу Днепра в районе Канева попал в беду. Начальник УШПД генерал Строкач немедленно дал радиограмму партизанским отрядам, чтобы они разыскали десантников и оказали им помощь.

Днем и ночью Строкач не уходил из радиоузла, ожидая вестей о спасении воинов-десантников. Наконец долгожданные радиограммы были получены. Каневский отряд под командованием К. К. Солодченко собрал более тысячи парашютистов. Черкасский отряд (командир Г. К. Иващенко и комиссар С. Н. Палеха) собрал 400 бойцов, отряд имени Пожарского (командир Д. Ф. Горячий и комиссар И. А. Жилин) оказал помощь более чем ста десантникам.

Через три недели бригада десантников под командованием подполковника Героя Советского Союза П. М. Сидорчука рука об руку с партизанскими отрядами участвовала в битве за последний на Днепре Черкасский плацдарм. Газета «Правда» 20 ноября 1943 года писала:

«Сводные подразделения десантников и партизан, быстро совершив лесной марш, начали атаковать населенные пункты... Гитлеровцы, зажатые с двух сторон, понесли большие потери и вынуждены были отступить».

С этого плацдарма советские войска развернут наступление на Смелу, Умань и в январе 1944 года начнут окружение крупной немецко-фашистской группировки в районе Корсунь-Шевченковского и выйдут к советско-румынской границе.

Когда развернулись бои на Правобережье Украины, у гитлеровцев глубокого тыла фактически не оказалось. Партизаны были в непосредственной близости к фронту, и потому УШПД отослал часть соединений и отдельные отряды дальше на запад, к государственной границе. Много отрядов взаимодействовали с частями Красной Армии в освобождении таких городов, как Овруч и Ельск (соединение А. Н. Сабурова), Игнатполь, Лугины и Костополь (соединение С. Ф. Маликова), Емельчино (отряды М. И. Наумова и А. М. Грабчака), Знаменка (отряды М. М. Скирды и И. Д. Дибровы), Цумань и Ровно (соединения В. А. Бегмы и И. Ф. Федорова-Ровенского). Партизаны участвовали в освобождении многих населенных пунктов на Правобережье Украины, а в районе Полесья удерживали правое крыло 1-го Украинского фронта и были связующим звеном с войсками 1-го Белорусского фронта.

В феврале 1944 года генерал Строкач вместе с оперативным отделом штаба и радиоузлом прибыл в Ровно, чтобы руководить партизанскими отрядами в непосредственной близости к району их действий. В это время была сформирована и отослана на запад целая группа новых отрядов. Соединения А. Ф. Федорова и С. Ф. Маликова 23 февраля ворвались в Ковель, но вынуждены были отойти под напором превосходящих сил противника. Шесть отрядов дейст-

вовали на последних километрах украинской земли, вблизи границы с Польшей. Отважно рейдировала в западных областях Украины и в Польше партизанская дивизия имени Ковпака под командованием генерал-майора П. П. Вершигоры. На закарпатской земле уничтожал врага отряд Героя Советского Союза А. В. Тканко.

25 марта 1944 года ЦК КП(б)У вынес решение расформировать отряды, выполнившие боевые задачи, а из некоторых больших соединений создать более мелкие, подвижные группы. Свернули деятельность и представительства УШПД на 4-м Украинском и 1-м Украинском фронтах. На 30 марта на связи с УШПД было лишь девять соединений и восемь отрядов. Работа штаба разукрупнялась: были созданы опергруппы при штабе 13-й армии 1-го Украинского фронта и даже при штабе 1-го Белорусского фронта, в полосе которого действовали украинские партизаны.

Связь с командованием, а также снабжение партизан осуществлялось с помощью самолетов.

Партизанская война на советской земле заканчивалась. Красная Армия выходила на государственную границу на всем ее протяжении от Черного до Балтийского моря.

3 апреля 1944 года Политбюро ЦК ВКП(б) решило передать четыре польских соединения, действовавшие в составе советских партизанских отрядов, вновь созданному Польскому штабу партизанского движения. Генерал-лейтенант Т. А. Строкач подготовил не только эти соединения, но и послал 18 своих работ-

ников и четырех радистов на помощь Польскому штабу. В мае и июне на территорию Польши УШПД отправил 15 украинских партизанских отрядов общей численностью около 4500 бойцов. В школах при УШПД обучались сотни чехов, словаков, румын и венгров, добровольно изъявивших желание стать партизанами-парашютистами.

ЦК КП(б) Украины поручил проведение всей работы по организации партизанского движения в Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии Украинскому штабу партизанского движения. Советские партизаны должны были помочь братским коммунистическим партиям, передать им богатейший опыт партизанской войны, особенно диверсионной, должны помочь своими кадрами, боевой техникой. Центральные Комитеты Коммунистических партий Чехословакии, Румынии и Венгрии назначили в УШПД своих представителей. Штаб украинских партизан готовился к выполнению своей интернациональной миссии...

Весна 1944 года. На улицах и в парках освобожденного Киева впервые после освобождения зазеленели каштаны.

В Украинском штабе партизанского движения многолюдно. Командиры соединений и отрядов, комиссары и начальники штабов, пришедшие с боевых рейдов и заданий, писали отчеты, хлопотали в отделах штаба. Многие пришли для личной беседы с начальником УШПД генерал-лейтенантом Т. А. Строкачем. Среди вызванных был и возвратившийся с Ковельской операции старший лейтенант Алексей Егоров.

— Здравствуйте, товарищ Егоров! — Строкач поднялся из-за стола и подал старшему лейтенанту руку.— Какие у вас, Алексей Семенович, планы на будущее?

— Война продолжается, и надо воевать,— ответил Егоров.— Но где, еще не знаю...

— Может быть, снова с партизанами? — спросил Строкач, улыбнувшись.

— С какими партизанами? — удивился Егоров.— Пройдет немного времени, и Красная Армия вышибет фашистские войска с советской земли. Где же партизанить?..

— В Польше, в Чехословакии,— ответил начальник штаба.— Помочь словакам, чехам, полякам в борьбе против фашистской армии — наш интернациональный долг.

— Вы предлагаете мне лететь туда?

— Командиром группы, которая должна там вырасти в отряд, в бригаду...

— Я готов. В меру своих сил, знаний, со всей душой,— взволнованно ответил Егоров.

— Это хорошо, что со всей душой. Без души и дело не дело. В нашей работе решающее значение будет иметь дружба с местным населением. Беспочейтесь об этом ежедневно, ежечасно. Вас поддержат местные коммунисты, подпольщики, все антифашисты. Ваша группа — двадцать человек. Но в Словакии вас должна быть тысяча! Учите людей воевать с толком, основательно, уверенно, как вы воевали на своей Родине...

— Я вас понял, товарищ генерал-лейтенант.

Серые глаза Тимофея Строкача под светлыми, словно ржаной колос, бровями улыбались ласково и задумчиво.

— Вот и договорились. Подбирайте людей в десант. Знакомьтесь с картой. Побольше общайтесь с бойцами-словаками, которые также готовятся лететь с вами,— продолжал Строкач.— Воюйте так, чтобы люди за рубежом сказали: «Эти хлопцы из Советского Союза — наши друзья и братья!»

— Так и будем воевать, товарищ генерал-лейтенант! Разрешите идти?

— В добрый путь!

В июле Строкач пошлет в Словакию первый десант под командованием Петра Величко в составе 11 человек. Через неделю десант пополнится местными жителями и вырастет до 150 бойцов. Тогда же будут посланы партизанские десанты под командованием Алексея Егорова, Вячеслава Квитинского, Всеволода Клокова, Леонида Беренштейна, Дмитрия Резуто и других. В августе на территории соседних стран приземлятся 22 партизанских десанта в составе 470 бойцов. На день изгнания немецко-фашистских войск с украинской земли — 14 октября 1944 года — по ту сторону государственной границы будут воевать 9 соединений и 44 отряда, сформированные Украинским штабом партизанского движения. 13 460 советских партизан истребят за рубежом 10 тысяч гитлеровцев, пустят под откос 42 воинских эшелона, уничтожат 55 танков и подорвут 59 железнодорожных мостов...

Потом, спустя 30 лет со дня освобождения Украины от фашистских захватчиков член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК Компартии республики В. В. Щербицкий на торжественном заседании в честь знаменательной даты скажет о большой организатор-

ской работе ЦК КП(б)У по развертыванию всенародной борьбы на оккупированной врагом территории, о том, как «Украинский штаб партизанского движения во главе с Тимофеем Амвросиевичем Строкачем систематически посылал за линию фронта своих представителей, устанавливал действенную связь с партизанами, занимался подготовкой кадров для партизанских отрядов, направлял им оружие, боеприпасы, координировал боевую деятельность партизан с частями Советской Армии...»

Это будет потом...

Но прежде еще будет осень 1944 года, и Строкач получит новый приказ. Как первому заместителю наркома внутренних дел республики, ЦК КП(б)У поручит ему возглавить оперативные группы и Управление по разгрому вооруженных банд украинских буржуазных националистов. Пограничник и партизан генерал Строкач вместе со своими бойцами и с помощью местного населения, активистов выполнит и эту важную задачу и, как сказано в характеристике ЦК КП(б)У на Т. А. Строкача, создаст «нормальные условия для работы местных партийных, советских и хозяйственных организаций западных областей Украины...».

В 1946 году Тимофея Амвросиевича Строкача вновь изберут депутатом Верховного Совета СССР от Могилев-Подольского округа и назначат министром внутренних дел Украинской ССР. Будет генерал-лейтенант Строкач и заместителем министра внутренних дел СССР, командующим славными пограничными войсками нашей необъятной Родины...

16 августа 1963 года горячее сердце этого мужественного и доброго человека, солдата партии Ленина перестанет биться...

Но в тот июльский день сорок четвертого генерал-лейтенант Строкач напутствовал своих орлов — украинских партизан-десантников, посланцев братских народов Советского Союза и Красной Армии. Он посылал их освобождать чужие земли и другие народы от гитлеровского фашизма.

Содержание

Посланцы Большой земли 3

В партизанском краю 40

У Днепровских круч 81

Автомонов Павел Федорович

ОТЧИЗНЫ ВЫПОЛНЯЯ ПРИКАЗАНЬЕ

О начальнике Украинского штаба партизанского движения Т. А. Строкаче

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*

Редактор *Л. Г. Беляева*

Младший редактор *В. В. Новосельский*

Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*

Технический редактор *О. М. Семенова*

Сдано в набор 8 мая 1975 г. Подписано в печать 4 августа 1975 г. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 4,90. Учетно-изд л. 4,29. Тираж 200 тыс. экз. А00119. Заказ № 4531. Цена 17 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». Москва, Краснопролетарская, 16.

Т. А. Строкач — начальник пограничной заставы на Амуре. 1928 год.

Депутат Верховного Совета СССР первого созыва капитан Т. А. Строкач среди колхозников села Яруги Могилев-Подольского района Винницкой области. Май 1938 года.

Пограничники 25-го Молдавского погранотряда. Крайний справа — начальник отряда подполковник Т. А. Строкач. 1939 год.

Генерал Т. А. Строкач беседует с выпускниками партизанской школы минеров перед их вылетом в тыл врага. Весна 1943 года.

Д. С. Коротченко и Т. А. Строкач вручают правительственную награду Герою Советского Союза С. А. Ковпаку. Вражеский тыл, июнь 1943 года.

С. В. Руднев, Д. С. Коротченко и Т. А. Строкач обсуждают план рейда к Карпатам.

Перед выходом в Карпатский рейд.

Ровенские партизаны перед выходом в район Сарненского железнодорожного узла. В центре — Т. А. Строкач, крайний справа — В. А. Бегма.

Т. А. Строкач вручает правительственную награду 12-летнему ровенскому партизану Толе Белопольскому.

Совещание командного состава Житомирской партизанской дивизии имени Щорса. Выступает Т. А. Строкач, справа от него командир дивизии С. Ф. Маликов.

Д. С. Коротченко (крайний слева) и Т. А. Строкач (четвертый слева) с работниками штаба партизанского соединения, которым командовал Герой Советского Союза М. И. Наумов.

В боевых порядках Воронежского фронта. Справа Т. А. Стро-
кач. Сентябрь 1943 года.